

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ЗАПРЕЩЁННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ПЕРЕЗАГРУЗКА

Василий Васильевич Головачев
Запрещенная реальность.
Перезагрузка
Серия «Запрещенная
реальность», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17181667
Запрещённая реальность. Перезагрузка: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86808-7

Аннотация

Пастухи человечества, всеземной Союз Неизвестных находит способ «перезагрузить» «запрещённую реальность» и вернуть в неё магию, сделав её эффективным инструментом воплощения своих чёрных замыслов. Для этого необходимо отыскать ещё несколько Великих Вещей и, когда их соберётся сорок, активировать магические артефакты, разрушив законы, установленные анархом Матвеем Соболевым. Помешать этому, казалось бы, не по силам никому, но в отчаянной попытке не выпустить Зло из клетки «запрещённой реальности» Василий Котов и его соратники по «Стопкриму», а с ними и другие воины добра и света, выходят на новую битву.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	56
Глава 4	68
Глава 5	90
Глава 6	108
Глава 7	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Василий Головачев

Запрещенная реальность.

Перезагрузка

© Головачёв В. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

А кроме того, у меня есть собственное правосудие, без отсрочек и апелляций, которое осуждает и оправдывает и в которое никто не вмешивается.

А. Дюма. Граф Монте-Кристо

Часть I

Мочить в сортире

Глава 1

Никто не забыт

Карательный батальон «Ганьба» был создан в мае две тысячи четырнадцатого года в Мариуполе. В декабре его передислоцировали в Бердянск, где численность батальона, состоящего из праворадикалов, неонацистов и откровенных бандитов, достигла пятисот человек. Штаб батальона расположился в Залесье, на даче бывшего президента Украины Януковича, и после ухода отряда на фронт дачу, превращённую в нужник, пришлось чистить и ремонтировать.

В две тысячи пятнадцатом году батальон, попавший в один из «котлов», был почти полностью уничтожен, а его командир Анджей Жилецкий, получивший титул «Белый Вождь», сбежал с поля боя в Киев и стал депутатом Рады. Тем не менее командование Минобороны Украины решило не распускать батальон, а доукомплектовать и оставить вблизи границы между Донецкой Народной Республикой и Украиной, в городке Павлополь, находящемся в восьмидесяти километрах к югу от Донецка.

С доукомплектацией батальона ничего не получилось.

В конце две тысячи пятнадцатого года командир роты спецназначения (чистые каратели) Вадим Шмара решил доказать, что он тоже «Белый Вождь», и ночью второго ноября атаковал Широкино, в результате чего рота попала в засаду и перестала существовать. Сам Шмара погиб. А остатки роты и батальона в количестве тридцати семи человек вошли в состав батальона «Правый сектор» под командованием Петра Криворучко, учившегося воевать у «самого Яроша».

В «Правом секторе», известном своей крайней патологической ненавистью ко всему русскому, служили не только украинские неонацисты, но и шведские искатели приключений, и французы, итальянцы, русские, канадцы и даже негры-американцы. Все они приехали не сражаться за идею «единой и неделимой» Украины, а пострелять, поохотиться на людей, простых граждан, желавших жить мирно и не признавших власть бандеровских недобитков. Но и они уступали украинским ультрарадикалам в ненависти к русским и в применении зверских пыток к захваченным в плен защитникам Новороссии.

Впрочем, пытали эти звери в человеческом обличье не только бойцов армии ДНР. Их жертвами стали десятки мирных жителей «освобождённых районов» Донбасса, в том числе старики, женщины, подростки и совсем молодые девочки, о чём писали в докладах сотрудники комиссии ОБСЕ,

напрасно трудившейся во время так называемого «минского перемирия» две тысячи пятнадцатого года на линии разграничения вооружённых сил Украины и армии Новороссии. Для «Правого сектора» вообще не существовало никаких моральных ограничений. Эти ублюдки не знали, что такое совесть, благородство и милосердие, и с одинаковым садистским удовлетворением убивали как пленных бойцов армии ДНР и ЛНР, так и гражданских лиц, причисляя их к «пособникам террористов».

Не прекратили своей жуткой деятельности ультранаци и впоследствии, продолжая в течение нескольких лет устраивать провокации на границах Новороссии и терроризировать местное население «освобождённых» сёл и городков Донбасса. В практику этих «защитников отечества» вошли все методы пыток в отношении подозреваемых в «пророссийской ориентации», в том числе угрозы убийства, утопления, имитации расстрела, пытки с помощью «бандеровской удавки», удушения с помощью пластикового мешка, раздробление конечностей, удары ножом в лицо, в пах, прижигание, уколы психотропных и отравляющих веществ, вызывающие дикие мучения, и удары электротоком.

Доклад Европейского Фонда исследования проблем демократии о военных преступлениях украинских силовиков был представлен в ОБСЕ и ООН ещё в конце две тысячи четырнадцатого года, однако не произвёл на эти структуры никакого впечатления. Командовали «парадом граждан-

ской войны» спецслужбы США, которым был исключительно выгоден конфликт на Украине, и широкая мировая общественность практически ничего не узнала, зомбированная колоссальной системой тотальной лжи, пронизавшей всё человечество. Эта система промыла мозги почти всем жителям Украины, начавшим верить в «агрессию России» и поддерживать ставленников США – президента Украины, премьер-министра, руководителя Службы безопасности, открытого агента ЦРУ, и чинов ниже – председателя украинского парламента, сформированного из карателей почти на сто процентов, министров МВД и обороны, и руководителей соцслужб. На Украину опустился «чёрный флаг» внешнего управления, инициируемого послом США и сотрудниками американской «демократической системы» – ЦРУ, ФБР и АНБ. Настала долгая жестокая *ночь* торжества лжи, предательства и мракобесия.

Если бандитами майдана двигало трусливое и подлое ощущение безнаказанности, то их патронами руководили совсем иные идеи, рождённые нацистами довоенной Германии и впитанные с кровью жертв бандеровцами и их последователями.

Шестого октября года юбилейного творения майдана в дом семьи Гордеевых на окраине Павлополя, расположенного в сотне метров от берега речки Кальмиус, впадающей в Павлопольское водохранилище, заглянул патруль общественной безопасности в составе трёх бойцов батальона «Га-

ньба», вошедшего в ДУРА – Добровольческую Украинскую Радикальную Армию. Одеты они были в жёлто-коричневую форму спецназа натовского образца, но с шевронами «Чёрного корпуса» на рукавах. Все трое были навеселе, и все трое искали, чем поживиться, где выпить, поесть, а если повезёт, то и покуражиться над мирными жителями городка да справить естественные нужды, в которые входил и секс с лицами слабого пола независимо от их возраста.

Один из патрульных был французом по имени Гастон Контан, бывший десантник войск специального назначения французской гвардии, ныне наёмник, двое других служили в нацгвардии с две тысячи тринадцатого года, Петро Мищак по прозвищу Пищак и Демьян Синерезенко – Резвый, командир взвода «Ганьбы», проявивший себя в рейдах по предместьям Донецка в составе диверсионной группы.

Гордеевы собирались ужинать: шестидесятишестилетний глава семьи Иван Данилович, его жена Марья Константиновна, сын Александр, его жена Наталья и дети – семилетний Ивашка, пятилетний Руслан и четырнадцатилетняя Катя. Младшие уже сидели за столом в горнице – дом у Гордеевых был свой, с огородом и садом, – мужчины умывались, женщины хлопотали у стола, выставляя посуду.

Забрехала собака, с визгом умолкла, и тотчас же в сенях загремело, в дом вошли вооружённые до зубов brave хлопцы; француз, обзаведшийся соломенными усами, нёс через плечо винтовку «М-14» дулом вниз, Мищак поигрывал

автоматом российского производства, казавшимся игрушкой в его могучих руках. На его погонах виднелись две красные полоски, соответствующие званию младшего урядника. Синерезенко, худой, чернявый, бородатый, поводил из стороны в сторону дулом новейшего «узи».

Мужчины, выглянув из угла, где пряталась раковина для мытья посуды, застыли, не сводя глаз с непрошенных гостей.

Женщины тоже растерялись, не зная, что делать, перестали ставить на стол горшки, миски и посуду.

Мишак закинул автомат за спину, потёр ладонь о ладонь, плотоядно облизнувшись.

– Пожрать угостите? Пахнет вкусно! Да и горилочки выпить не мешало бы, пошукайте в голбце.

Отец и сын Гордеевы переглянулись.

– Нету... горилки, – сглотнул Иван Данилович.

– А ежели я найду? – расплылся в хмельной улыбке Мишак.

– Шо ты с ними как з родічами балакаєшь? – буркнул Синерезенко. – Тащи самогон, старый, если горилки нема. А ты документы покажь. – Ствол автомата глянул на худенького, с болезненным лицом, Александра. – Чего тут сидишь? Почему не в армии? Прятался небось, повестки рвал? С москалями дружил?

– Больной он, – заикнулась жена Александра, круглолицая, полная, коротко стриженная. – Геморрой у него, еле хо-

дит.

– Как детей рожать – не больной, – хохотнул Мищак. – А как служить ридному отечеству – больной.

– Я служил... – тихо произнёс Александр, бледнея. – В погранвойсках.

– Так то небось ще при оккупантах? – хмыкнул Синерезенко. – До майдану? Паспорт кажи!

Александр вытащил ящик комода, дрожащими руками достал синюю книжицу с золотым тиснёным трезубцем, протянул бородачу, на плечах которого красовались ещё два синих шеврона-погона с жёлтой восьмиконечной звёздочкой на лычке; звания в Добровольческой Армии соответствовали украинским казачьим девятнадцатого века, и одна звёздочка на погоне говорила, что владелец – есаул.

Синерезенко развернул паспорт, небрежно пролистал.

– Гордеев Олекса Иванович... украинец... а на вид – чистый москаль. И ты, старый, доставай ксиву, быстро!

Иван Данилович, лысый, с остатками седых волос на голове, полез в голбец.

В этот момент взгляд француза упал на обнявшую младшего брата Катю. Глаза Гастона *поплыли*, стали маслеными, он облизнулся.

– Яка красуня! – выговорил он по-украински, почти без акцента. – Пан есаул, почему она не радуется нам, не предлагает хлеб-соль? Может, шпионка москальска? Проверить бы надо.

– Проверим, – ухмыльнулся Мищак. – Пусть докажет, что она справна украинка. Документ е?

– Ей только четырнадцать... – пролепетала мать девочки.

– А на вид все двадцать. Говори правду!

Француз шагнул к сжавшимся детям, умело оторвал братца от сестры, рывком за ворот платья поставил Катю на ноги.

Александр бросился к ней с криком: «Не трогай!» – и Мищак ударил его прикладом автомата, отбрасывая к стене. Зацепившись за табурет, он упал. Женщины закричали, метнулись к нему, сделал шаг Иван Данилович.

– Выведите всех! – процедил сквозь зубы Синерезенко. – Шоб не мешали допросу...

Мищак и Гастон под дулами автоматов пинками погнали мужчин и причитавших женщин в сени, туда же вышвырнули заревевших мальчишек.

– В сарае их заprite! – крикнул есаул.

Плачущих женщин и пытавшихся сопротивляться мужчин увели в сарай, где хозяйева когда-то, ещё до войны, держали коз. Александр увернулся от рук Мищака, кинулся обратно в хату, но его перехватил француз, дал ему прикладом по голове и запихал в сарай вслед за остальными.

– Иди, я покараую, – сказал плохо видимый в темноте Мищак. Давно стемнело, а фонари по улице не горели. – Потом заменишь.

– Мерси! – Француз исчез в сенях.

– Ой, да что это будет, Ваня! – запричитала жена Ивана

Даниловича. — Они ж её насильничают!

Гордеев подошёл к двери сарая, собираясь выбраться и учинить драку, несмотря на отсутствие какого-либо оружия, и в этот момент кто-то ухватил его за плечо. Он оглянулся, считая, что это сделал сын, но увидел лишь глыбу мрака за спиной.

— Тихо, отец, свои! — еле слышно выговорила глыба. — Скажи родным, чтобы не паниковали. Пусть продолжают в том же духе.

— В-вы... кто?!

— Потом.

— Маша, Саша... — Иван Данилович передал совет женщинам и сыну, вернулся к двери.

— Много их? — продолжала глыба, не производя никакого шума.

— Трое... двое в хате... с внучкой...

— Понял, сейчас исправим положение. Стучи в дверь.

— Она не заперта...

— Открывай и отвлеки сторожа.

— Да кто вы?!

— Некогда объясняться, действуй.

Старик заворчал на умолкших женщин, и те снова запричитали на разные голоса. Мальчишки, не понимая, что происходит, заревели.

— Батько... — проговорил сидевший у стены сын слабым голосом.

– Сиди, – строго сказал старик, толкая дверь. Заскрипев, старенькая дощатая дверь сарая открылась. Иван Данилович переступил порог.

– Ты шо, козёл старый?! – объявился перед ним массивный Мищак, в темноте напоминая огромного медведя.

Глыба мрака за спиной Ивана Даниловича бесшумно обогнула старика, послышался тихий щелчок, и гигант-бандеровец беззвучно осел на землю.

Из сарая вслед за первым «призраком» выскользнули ещё два.

– Отец, возвращайся в сарай и жди, – шепнул кто-то на ухо Гордееву. – Успокой своих, чтобы теперь сидели тихо.

Все три «глыбы мрака» исчезли. Заскрипела дверь со двора в сени, но это был единственный звук, который донёсся до слуха хозяина дома. Перекрестившись, он скрылся в сарае.

Синерезенко, уже снявший с себя коричневую, в жёлтых пятнах, куртку оглянулся, когда в горницу вошёл Гастон.

– Шо там?

– Та тихо усэ, эвой пью... злякалысь, – ухмыльнулся француз, демонстрируя владение украинским языком. – Я бы и молодуху приспособил, тоже ничего баба, титьки вкуснячи.

– Иди на двор, я тут... позанимаюсь.

– Я бы помог...

– Сам управлюсь, иди.

Гастон кинул хищный взгляд на сжавшуюся в углу между диваном и тумбочкой девочку, подмигнул ей и вышел.

Однако отсутствовал он недолго. Есаул успел лишь снять штаны и вытащить закричавшую Катю из угла, как дверь распахнулась от сильного удара из сеней, и в горницу влетел француз, потерявший на лету берет и винтовку.

Синерезенко выпрямился, ошеломлённый появлением подчинённого, но реакция у него была хорошая, и когда в горницу вслед за французом шмыгнула почти невидимая струящаяся фигура, он развернул девочку спиной к себе и прижал к груди, хватая с тумбочки зазубренный армейский тесак.

Странный призрак – у него была хорошо видна только голова в шлеме – остановился. Из плывущего прозрачными лепестками тела призрака выглянул ствол пистолета, снабжённый длинной насадкой бесшумного боя.

– Стоять! – каркнул есаул. – Я ей голову отрежу! Вы кто?!

– Санитары, – вырос за спиной призрака второй такой же, повыше ростом. – Отпусти девочку!

Француз – у него был сломан нос, и на усы лилась кровь – вскочил, намереваясь ухватить с пола «М-14», но пистолет «призрака» тихо щёлкнул, и бывший «чёрный берет» французской национальной гвардии, бывший десантник, а ныне – наёмник ДУРА, на счету которого числилась не одна сотня убитых по всему свету людей, упал навзничь с пуль в глазу.

Синерезенко проводил своего напарника непонимающим взглядом, вздрогнул, крепче прижал к себе Катю, напряг зрение, но фигуры перед ним по-прежнему были прозрачно-мерцающими, а шлемы и огромные чёрные очки надёжно скрывали головы и лица, не позволяя разглядеть ни одной детали.

– Фамилия, звание, страна! – коротко спросил первый призрак.

– Мишак! – заорал Синерезенко. – Ко мне!

– Он уже на том свете, – равнодушно сообщил второй «призрак». – Фамилия, звание? Страну не надо, и так понятно – Украина.

– Я... ей...

Первый «призрак» наконец выстрелил.

Пуля попала есаулу в левый глаз, отбросила к окну. К счастью, он наткнулся на стол, снёс с него всю посуду и до окна не долетел, иначе разбил бы стекло.

Катя, вырвавшаяся из рук карателя, с криком отскочила к буфету, прижав кулачки ко рту, глядя на призраков огромными потемневшими глазами.

Первый «призрак» спрятал пистолет, успокаивающим жестом снял очки.

– Не кричи, милая, всё в порядке, никто тебя не тронет. Иди к своим, они ждут. Лось, проводи.

Второй «призрак» тоже снял очки, обнажив улыбающееся, заросшее седой щетиной, складчатое лицо, заговорил

с девочкой по-украински, повёл к двери, не делая резких движений.

Первый «призрак» подошёл к телу Синерезенко, обыскал карманы, вытащил удостоверение есаула, прочитал вслух:

– Синерезенко Демьян Остапович, есаул ДУРА, заместитель командира батальона «Ганьба»... Ох, не вовремя ты здесь объявился, есаул.

В карманах француза он обнаружил пачку презервативов, какие-то порошки, понюхал, презрительно сунул обратно в карман наёмника. Достал удостоверение, прочитал, шевеля бровями.

В горницу вошёл спутник первого «призрака», заметил в руках первого синие книжечки с жёлтым тиснением.

– Кто?

– Батальон «Ганьба», заместитель командира Синерезенко и его телохран-француз.

– Оба-на! Они же в наших списках!

– Повезло. – «Призрак», командир группы «Штык» майор Ухватов, поднял руку, давая понять, что разговаривает по рации; она была вмонтирована в шлем. – Чук, что у тебя?

– Всё тихо, Кум, – доложил Чук, он же сержант Якимчук, обеспечивающий контроль местности.

– У нас три «двухсотых», бери Зура, Ю и ко мне, отнесёте к реке. Быстро!

– Понял.

Через минуту в горнице появились ещё три «призрака»,

вынесли тела убитых карателей.

– Кир, приведи хозяина, – велел Ухватов.

Сержант, остававшийся во дворе дома, привёл Ивана Даниловича.

Войдя в хату, освещённую единственной тусклой лампочкой на кухне, старик вытаращил глаза на «призраков», фигуры которых зыбились прозрачными изломами как эфемерные стекляшки в цилиндре калейдоскопа.

Командир группы понял ощущения старшего Гордеева – бойцы были экипированы в спецкостюмы «оборотень», сплетённые из метаматериалов и хитрым образом поглощающие и преломляющие световые лучи, – снял очки.

– Не пугайся, отец, мы не черти из преисподней.

– Русские...

– Не только. Скажем так: чистильщики, воздаём должное убийцам и насильникам. Кое-кого уже списали... на тот свет.

– Слишком их много... всех не перебьёшь.

– К сожалению, ты прав, пол-Украины – пособники нацистов. Да мы и не стремимся ликвидировать всех подонков в человеческом облике, так получилось, что мы оказались у вас.

– Вы... их...

– Не бери в голову, отец, они получили то, чего заслуживали. На этом бородаче сотня смертей плюс пытки, да и на остальных тоже. Все эти ублюдки думали, что их забудут и они смогут всю жизнь творить бесчинства. Но никто

не забыт, и ничто не забыто! Давай договариваться. Нас здесь не было. Их тоже. Когда их хватятся, к вам придут с вопросами, сможете притвориться, что вы ужинаете и никого не видели?

Иван Данилович пощипал реденькую бородку, с сомнением поглядывая на бесшумно двигавшихся по хате «призраков».

– Не знаю...

– Если не сможете, вам придётся уходить.

– Да куда ж мы пойдём? Всю жизнь тут жили, работали...

– Иначе brave бандеровские хлопцы с чёрным крепом на рукаве вас пытать начнут, да и расстреляют ни за что. У этого батальона дурная слава, не лучше, чем у «Азова» и «Айдара».

– Поговорить со своими надо...

– Поговори, только побыстрее, уходить нам надо. Зови сюда взрослых, дети видеть нас не должны.

Гордеев вышел, покачивая головой, и вскоре вернулся в дом вместе с семьёй.

Но вместо «призраков» его встретил в горнице один человек, тот, что разговаривал с ним минуту назад, остальные исчезли. Впрочем, майор уже не был прозрачно-кристаллическим, сняв спецкостюм, смущавший старика, и оставаясь в зеленоватом трико наподобие спортивного. Шлем с очками он тоже снял, и на родных Ивана Даниловича смотрели с обветренного сурового лица светящиеся голубовато-серые

глаза воина.

Женщины остановились у порога, теребя концы платков и фартуков. Катя спряталась за их спины, огромными глазами разглядывая гостя. Гордеев-младший, бледный до синевы, с кровоподтёком на скуле, поддерживал ушибленную руку.

– Вот, – сказал Иван Данилович, озираясь, ища глазами гостей.

Ухватов повторил своё предложение.

Гордеевы переглянулись. Однако уходить из дома никто не согласился.

– В таком случае вам придётся объяснить тем, кто придёт, причину синяков на лице сына, – с усмешкой сказал майор. – И вообще вести себя естественно. Вы ужинали, шума никакого не слышали, никто к вам не заходил, а ты... – Он посмотрел на хилого Александра.

– Упал сослепу во дворе на дровяник, – криво улыбнулся сын Ивана Даниловича.

– Пластырь есть, залепить кровоподтёк?

– Нет...

– Тряпицей перематаем, – торопливо проговорила жена Александра.

– Не надо, смажьте чем-нибудь, мукой, что ли, чтоб меньше заметно было, а то придерутся, что прячете рану. – Ухватов посмотрел на хозяина. – У вас лодки нет?

– Была, да отобрали ещё в прошлом году. Там на берегу

кое у кого есть.

– У Стрыгиных осталась, – сказала жена Гордеева. – Через дом от нас.

– И у Шурки Петренки, – добавила мать Кати. – Только они не дадут, ихний Вовка в нацгвардии служит.

– Ладно, сообразим. Нам в Донецк надо, отец, подскажи дорогу покороче.

– Покороче – по водохранилищу до Дикого Поля, а там на Макеевку... либо через Святые Горы на правом берегу реки. Не этой, нашей, Кальмиуски, а Северского Донца. Но пёхом, если у вас транспорта нету, всё равно долго будете добираться.

– С транспортом мы уладим.

– Тогда идите вдоль правого берега Кальмиуса на север, пересечёте овраги, балки, меловую террасу, карьер, и по прямой до Северского Донца.

– Спасибо, отец, так и сделаем. Приведите всё в порядок, а главное – не суетитесь и не прячьтесь. Мы следы во дворе уничтожим, а вы здесь в доме уберитесь.

– Сделаем... благодарствуем... за Катеньку.

– Берегите девочку. Если вдруг придётся признаваться, скажете, что есаула и его солдатиков увели с собой иностранцы в чёрном. Мол, не по-нашему гутарили. Но лучше бы до этого не дошло. Прощайте.

Ухватов повернулся и исчез, будто привидение.

Домочадцы Гордеева молча дивились на дверь в сени,

оставшуюся открытой.

В саду за сплетённой из ивняка стенкой майора ждала группа.

Он натянул масккомплекс, превращавший человека в почти невидимого даже днём призрака, проверил оружие.

– Чук?

– Клиенты на берегу, – доложил сержант.

– Раздеть, обмундирование взять с собой, документы, оружие тоже. Найдите лодки.

– Уже нашли.

– Тогда грузимся и плывём на тот берег.

Отряд «Штык» в составе семи бойцов, не принадлежащих ни к одной армии мира, если не считать частной русской военной организации ЗРП «Возмездие», дислоцирующейся в Чечне, рассредоточился вдоль берега речки Кальмиус и, не производя ни малейшего шума, подвёл лодки к захламлённому обломками причала берегу, погрузил тела убитых карателей, разместился в них сам, и лодки отчалили от берега, погружённого во тьму близившейся безлунной ночи.

Городок Павлополь тоже был почти весь погружен в темноту, только в центре, возле здания бывшего горсовета, занятого штабом батальона «Ганьба», царило оживление, здание и улица перед ним были освещены, туда-сюда сновали боевики Добровольческой армии, слышался иноязычный говор, мат и хохот. Каратели считали себя здесь полновластными хозяевами, на чиновников местного самоуправления, назна-

ченных Киевом, смотрели как на своих холуёв, что, между прочим, соответствовало истине, и развлекались как могли.

Жители городка, в котором когда-то проживали шестьсот с лишним человек, а сейчас осталось не больше трети, предпочитали по вечерам не выходить из домов и квартир, чтобы не нарваться на «дружеское хамство», а то и на пулю.

Тела Синерезенко и его спутников утопили в речке, привязав к ним танковые катки и траки.

Сожалений о содеянном никаких не было. «Штык» выполнял секретное задание командования ЗРП по ликвидации украинских карателей-ультранаци, особо проявивших свои садистские наклонности во время войны с защитниками Новороссии.

Команда Синерезенко попала на пути «Штыка» случайно, зайдя в дом Гордеевых, на территории усадьбы которых, в сарае, и расположилась группа Ухватова, чтобы переждать световой день. Бывший капитан ГРУ России, получивший в ЗРП звание майора, связываться с карателями не хотел, но провидение решило иначе, и он отдал приказ успокоить пришельцев, веривших в свою безнаказанность до полной неспособности оценивать ситуацию реально.

Оказалось, в руки бойцов отряда попались не рядовые боевики батальона «Ганьба», а самые что ни на есть душегубы, успевшие не раз искупаться в крови пленных, и жалеть было некого. Однако шла группа в Павлополь не ради того, чтобы свести счёты с одиозными командирами одного из подразде-

лений ДУРА. Уже при переходе границы Ухватов получил задание вызволить из плена «настоящего» разведчика ГРУ, капитана Шинкаря (Ухватов его не знал лично), попавшего в плен к нацгвардейцам по странному стечению обстоятельств, и выяснить причину его провала. Были подозрения, что капитана сдали командиры в Москве, имеющие свой интерес в Украине, связанные с куратором Новороссии в администрации президента и с бизнесменом Карманщиковым, зарабатывающим капитал на торговле с украинскими силовиками и вкладывающим деньги в металлургический комбинат в Луганске.

– Докладывать наверх о стычке будем? – поинтересовался капитан Зиедонис, эстонец, отзывающийся на кличку Ювелир или – реже – просто Ю.

– Нет, – отрезал Ухватов. – Будем выполнять задание. Кир, гребите к берегу пониже Павлополя.

Через полчаса пристали к островку зелени, усеянному корягами и зарослями кустарника.

Ухватов поправил шлем, отметил время: светящиеся цифры хронометра выводились на внутреннюю поверхность очков, как и любые другие сведения о состоянии погоды, целеуказания и ответы подчинённых. Спутник должен был появиться над Волновахским районом Донбасса в десять часов вечера.

Из наушника шлема вырос полуметровой длины штырь антенны.

Ухватов переключил рацию на диапазон дальносвязи:

– Деверь, я Кум, как слышите?

– Кум, я Деверь, – ответил далёкий басовитый голос. –

Слышу нормально.

– Новости?

– Объект будет отправлен завтра в шесть часов утра из Павлополя в Мариуполь через Пищевик и Орловское, предположительно – на бронированном «Форде Рэнджере», в сопровождении британского «Самсона». Предлагаем встретить кортеж после Пищевика, у моста через Кальмиус, это в пятнадцати километрах от Павлополя, или опять же у моста через Щеголку, сразу после Орловского. Успеете?

– Не вопрос.

– Приказ – объект... ликвидировать! Вместе с машинами сопровождения. Сразу после акции уходить к Азову. Как понял, Кум? Приём.

Ухватов сжал зубы.

– Не понял, Деверь. Парня надо было вытаскивать...

– Отбой, Кум! Приказ – ликвидировать! Он не должен попасть в руки америкосов, а вас слишком мало, чтобы обеспечить сохранность объекта до границы.

– Всё же рассчитано...

– Кум, есть приказ! – В голосе Деверя, полковника Сортова, замкомандира ЗРП, звякнул металл. – Конец связи!

Ухватов выключил рацию, глядя перед собой остановившимися глазами. Он никогда не встречался с майором Шин-

карём и даже не знал о его существовании, но понимал, что любой мог оказаться на месте разведчика, уверенного, что его не сдадут в угоду каким-то меркантильным расчётам.

– Что там, командир? – спросил Лось, он же лейтенант Фёдор Величко.

– Приказано уничтожить объект.

Бойцы оцепенели.

– Не понял, – сдавленным шёпотом произнёс Чук. – Там совсем охренели?! Мы же собирались...

– Что тут непонятного, – простуженно прохрипел Зур – сержант Залхазур Гаргаев. – Мужик оказался лишним.

– Но это же *наш* мужик!

– Наверху посчитали иначе.

– Да к чертям собачьим такие расчёты!

– Не кипятись, – пришёл в себя Ухватов. – Решим на месте. Будем готовиться к операции по первому варианту. Пошли.

Отряд расселся по лодкам и направился к берегу.

Глава 2

Смена ориентации

На работу в понедельник, 5 октября, Матвей ехал с неохотой.

После возвращения с Кипра в Генпрокуратуре ему сообщили, что в его услугах больше не нуждаются, Стас вообще куда-то подевался, и Матвею ничего не оставалось делать, как вернуться в центр СЭП на Рогова.

Пацюк встретил его неласково.

– Мне звонили оттуда. – Начальник Управления санитарно-экологической полиции Москвы поднял очи горе. – Тебя охарактеризовали одним словом – грубиян. Кому ты там нагрубил?

Матвей вспомнил бой с командой американских «морских котиков» в подzemелье МИРа Блаттоптеров, «тараканов разумных», находившегося под монастырём Лампадисту на Кипре. Уходили оттуда второпях, надеясь больше на удачу, нежели на свои возможности, но помог Кристопулос, Хранитель МИРа. Раненный, он вывел отряд Котова из подzemелья, а потом взорвал оба входа-выхода из него, замуровав преследователей, жаждущих уничтожить русский десант и завладеть Великой Вещью под названием Сорок.

Впрочем, как уже было известно Матвею, этой Вещи в МИРе Блаттоптеров не оказалось. Во-первых, потому что

легенда о Сорока Сороков действительно творилась как легенда ради сокрытия истины: чтобы заработал Закон магического оперирования в «запрещённой реальности», нужно было на самом деле собрать вместе сорок Великих Вещей, а не искать Сорок. Во-вторых, замок Блаттоптеров, предков людей, сам по себе был Великой Вещью, но он мог только летать, перемещаться в пространстве, по словам того же Хранителя, и к магическим эффекторам якобы не имел отношения.

Выбрались из подземного хода бойцы отряда, в том числе равнодушный ко всему Стас, Тарас Горшин, отец Матвея, Самандар и Дива, в трёх километрах от монастыря Лампадисту, за ущельем, разделявшим гору и деревушку Калапанайотис. Здесь отряд разделился: Самандар, Горшин и Стас вместе с тремя бойцами подразделения Вени Соколова двинулись к Троодосу по горам, остальных Кристопулос повёл в Пафос, зная местность как свои пять пальцев.

Потом группу разыскали люди Самандара, отвечающие за обеспечение операции всем необходимым, и через два дня все благополучно добрались сначала до Херсонисоса в Греции, на катере, а потом самолётом из Афин в Москву. В пятницу 2 октября Матвей получил уведомление Генпрокуратуры о необходимости вернуться на прежнюю работу, а в понедельник его вызвал к себе Пацюк.

– Так во что ты вляпался в такой серьёзной конторе? – повторил вопрос полковник. Кисло пошутил: – Надеюсь, не по-

требовал от генпрокурора соблюдения СанПинов?

Матвей невольно улыбнулся, подумав, что, если бы Пацюк знал, чем занимался лично генпрокурор Меринов, о Сан-Пинах он бы не спрашивал.

Начальник Управления заметил его усмешку.

– Чего лыбишься? Я должен реагировать и отписать, что меры приняты.

Матвей сделал официальное лицо:

– Готов понести любое наказание, товарищ полковник! Но я никому не грубил и выполнял все инструкции.

– Прокуроры не ошибаются в своих выводах.

– Ещё как ошибаются, Викентий Палыч, они тоже чиновники.

– Ладно, не будем спорить, хотя ответить мне им всё равно придётся. Зря я тебя отпустил к ним.

Матвей подумал, что вряд ли Пацюк стал бы возражать генпрокурору, приведись им встретиться лицом к лицу, но вслух говорить ничего не стал.

– Будем считать, что я провёл среди тебя профилактическую беседу, – закончил Пацюк. – Редькович тут извёлся, много жалоб, принимай дела. Первое, чем займёшься, – это проверь жалобу жильцов «сталинки» возле метро «Баррикадная». Знаешь, кто там живёт?

– Догадываюсь, – кивнул Матвей.

В «сталинской» высотке на углу Красной Пресни и Садово-Кудринской улицы жили многие депутаты Госдумы и чи-

новники московского правительства.

– Неделю назад там свара началась, – продолжал полковник с прежним кислым видом. – В цокольном помещении раньше ТСЖ располагалось, потом им завладел один предприниматель, выгнал всех совладельцев. Но они считают, что этот пройдоха отобрал цокольный этаж незаконно, и попытались через суд имущество вернуть. Тогда он подвесил к потолку колонки и настроил систему таким образом, чтобы в шесть часов утра жители вплоть до седьмого этажа слушали музыку. Кроме того, и вечером музыка включается. Кстати, знаешь, что он выбрал? Шопена, «Сонату для фортепиано № 2 си-бемоль минор».

– Похоронный марш? – удивился Матвей.

– Именно. Представляешь? Садист! Просыпаешься, чистишь зубы, одеваешься, завтракаешь – и всё под траурную мелодию. Возвращаешься с работы – то же самое! Страдают все.

– Я бы давно набил ему морду! – искренне проговорил Матвей.

– Я тоже. А этот сволочуга заварил дверь в цокольное помещение и на связь не выходит.

– Ловко.

– Пенсионеры, разумеется, пошли в полицию. Несколько раз полицейские наведывались в дом, но разводили руками: дверь заварена, хозяина нет, а музыка играет тихо. Говорят, он взятку сунул кому-то из больших полицейских начальни-

ков, поэтому безобразия продолжается до сих пор.

– Брать взятку – бессовестно, – сказал Матвей первое, что пришло в голову.

Пацюк посмотрел на него недоверчиво.

– Не понимаю, когда ты шутишь, когда нет. Но ты прав, против дающего взятку человека совесть бессильна.

– Есть закон, подписанный мэром Москвы...

– Вот ты и займись выяснением обстоятельств, у тебя это хорошо получается. Сделай замеры, свяжись с местным участковым, взломайте дверь и отключите комбайн. Депутаты, что там живут, уже дали добро на акцию.

– Понял. – Матвей встал. – Разрешите выполнять?

– Только без грубости, – отвернулся к экрану компьютера Пацюк. – Принимай дела.

Паша Редькович обрадовался, узрев начальника отдела, вскочил, потряхнул руку трижды.

– Ох, командир, как же мне надоело получать от босса нагоняи! То не сделал, это упустил... Ты уже насовсем?

– Как получится, – ответил Матвей, подумав, что ему абсолютно не хочется заниматься жалобами граждан на поведение соседей и санитарно-экологическую обстановку в городе. «Может, уволиться?» – пришла неожиданная мысль. Всё равно в скором времени придётся отпрашиваться на рейд в Киев, где будут встречаться эмиссары Комитета 300. Так не упредить ли предстоящий взрыв негодования полковника? Он может и не отпустить, тем более что неиз-

вестно, сколько времени понадобится для исполнения задуманного.

«Вот тогда и напишешь заявление об увольнении», – резонно заметил внутренний голос. Инициатива не всегда прогрессивна, зато всегда наказуема.

– Пошли ко мне, – со вздохом повернулся к двери Матвей. – Доложишь, чем занимается отдел.

Разбирались с делами до обеда. Их и в самом деле накопилось много, в два раза больше, чем до командировки Матвея, хотя отсутствовал он всего неделю. Увеличилось количество жалоб горожан на запахи и ядовитые пары до сих пор не выведенных с территории Москвы химзавода, фармацевтических фабрик, производства пластмасс и асфальта, на шумные игры и свадьбы «кавказских принцев», на самоуправство чиновного люда или, наоборот, на отсутствие реакции муниципальных управ и полиции на то или иное событие.

Увеличилось число пожаров. И появились особо опасные для жителей столицы свалки в районах промзон и железнодорожных узлов. «Пытка Шопеном», о которой Пацюк сообщил Матвею, ничем особым не выделялась из перечня подобных житейских проблем, но жалобщиками были здесь сами чиновники, и на их крик о помощи надо было реагировать быстро. Полковник не зря заострил внимание на ситуации, потому что ему наверняка звонили из аппарата МВД и требовали «зачистить территорию».

– Ты был там? – поинтересовался Матвей.

– Не успел, – признался лейтенант. – Только в пятницу получил разнарядку и приказ разобраться. Рук не хватает.

– Сегодня поедем.

– Как прикажете, босс, – заулыбался Паша. – В моей практике впервые надо реагировать на звучание похоронного марша. Во фантазия у козла! Видать, сильно его достало ТСЖ.

– А если он шизик? Кстати, досье на него ты составил?

– Нет. А надо?

– Иди, выясняй, мне необходимо знать, кто он, откуда, чем занимается, каким бизнесом, не сидел ли в СИЗО и не имеет ли в нужных кабинетах «волосатую лапу».

Паша улетучился.

После обеда Матвей собрал сотрудников отдела, поинтересовался их настроением, ловя себя на мысли, что не может сконцентрироваться на проблемах СЭП, раздал новые задания и позвонил отцу.

– Пап, не хочу работать, – признался с неохотой. – Как сломалось что в душе... может, я заболел? Не подскажешь способ лечения?

– Забей на работу, – посоветовал Котов-старший серьёзным тоном. – Лучше всего – с хорошей компанией. Выпьешь водочки, закусишь шашлычком, и всё станет хорошо.

– Ты... шутишь? – не поверил ушам Матвей.

– А ещё лучше – увольняйся, – закончил Василий Никифорович. – Я не знаю, чем закончится эпопея со Сходом Ко-

митета 300. Если им удастся активировать Великие Вещи, мир изменится. А связи с инфархом нет.

Матвей вздохнул свободней.

– Дива должна помочь...

– У неё тоже нет связи с отцом. Ты когда освобождаешься?

– Как всегда часов в семь-восемь вечера.

– В девять будь у меня, обговорим кое-какие планы.

– Вдвоём?

– Тебе нужен кто-то третий?

– Я просто думал...

– Может, будут ещё люди. – Котов выключил телефон.

Размышляя о таинственных намёках отца, Матвей позвонил Диве, но дочь Соболева не ответила. Автомат сообщил, что абонент находится вне зоны связи.

После возвращения в Москву все участники кипрской экспедиции разошлись по своим домам, договорившись встретиться в воскресенье и обсудить положение дел. Но сначала исчез Стас, пообещав не мешать комиссарам «Стопкрима» и не служить Меринову, потом Горшин, перестав отвечать на вызовы, и за ним пропала Дива, не предупредив никого о своём отъезде или о каких-то проблемах. Самандар утверждал, что дочь Соболева взяла отпуск за свой счёт в Генпрокуратуре, якобы «по семейным обстоятельствам», и после встречи с Мериновым уехала из Москвы. Куда – не знал даже сверхинформированный Вахид То-

жиевич.

Впрочем, на бегство и исчезновение двух эмиссаров инфарха, какими, собственно, и были Тарас и Дива, не походило. Если бы им угрожала опасность, они предупредили бы соратников из «Стопкрима», зная, что им протянут руку помощи. А поскольку этого не произошло, можно было предположить, что оба занялись неотложными делами, не требующими участия боевых порядков «чистилища».

И всё же сердце Матвея ныло, а душа мучилась сомнениями и обидой, не получив весточки от той, которую он боготворил.

В начале пятого Матвей вызвал Редьковича:

– Поехали на Баррикадную, посмотрим на объект.

– Слушаюсь, босс! – обрадовался лейтенант. – До чёртиков надоело с бумагами возиться! На ком поедем? Вызвать службу?

– Не надо, поедем на моём «китайце». – Он имел в виду спортивный «Chery Sport CSS-16», мало в чём уступавший своим западным аналогам.

Спустились вниз, вышли из трёхэтажного здания бывшего клуба культуры, с недавних пор полностью принадлежавшего центру СЭП. В этот понедельник Матвей приехал на работу ровно к девяти часам утра и поставить машину на пятачке перед входом в контору не смог, пришлось парковаться в торце жилой пятиэтажки с выездом на улицу Максимова.

Подходя к машине, слушая разглагольствования Паши

о вере в людей и доверии к их обещаниям, он увидел возле своего белого спорткара какого-то мальчишку лет четырнадцати, но не сразу понял, что тот делает.

Белобрысый сорванец в рваных джинсах, красной футболке с изображением танка и надписью «WAR infinity», в надвинутой на лоб бейсболке с длинным козырьком, воровато оглядываясь, обошёл «Чери» и, быстро подскочив к машине, начал что-то совать под щётку стеклоочистителя.

Матвей, шагавший чуть впереди, ускорил шаг и ловко цапнул парня за ухо.

– Ты что делаешь?

Паша, обойдя обоих, вытащил из-под щётки листок с текстом, хмыкнул:

– Ни хрена себе! Знаешь, что это такое?

– Отпусти, пидор! – прохрипел белобрысый воспитанник улицы и Интернета. – Порежу!

– Читай, – сказал Матвей, не спеша выполнять просьбу.

Малец попытался выкрутиться из его руки, но не смог.

– «Порезать шины, поцарапать краску? Легко! – прочитал Паша. – Уважаемый владелец этого авто! Человеку, не раз побывавшему в колонии, на работу не устроиться, а детей кормить надо! Во избежание действий (первая строка), прошу Вас сделать добровольный, благотворительный, единоразовый взнос в размере 999 рублей на киви-кошелёк номер плюс семьсот девяносто восемь... и так далее. В комментариях или СМС на этот номер обязательно укажите мар-

ку и полный номер вашего прекрасного авто. Заранее благодарен за понимание. Приписка: один новый баллон стоит 5000 рублей, а покраска авто ещё дороже». Письмо счастья, командир. – Паша засмеялся. – В моду вошло.

Матвей кивнул.

Действительно, снимать госномера с автомобилей с целью вымогательства денег за их возврат в криминальной среде стало нерентабельно, так как процедура выдачи новых номеров упростилась и схема мошенничества действовать перестала. Но автожулики не успокоились и выдумали новые способы заработка от «заплатишь – посторожу» до наклеек на ветровое стекло наподобие той, что прилепили Матвею. И простенькое это хамство распространилось по всей стране, особенно там, где не существовало охраняемых парковок. Но в натуре Матвей сталкивался с подобным шантажом впервые.

– Кто тебя надоумил?

– Пусти, гад! – заорал вдруг юный «защитник зэков». – Пожалуюсь «крыше», она тебя в сортире утопит!

– Эй, деловой, отпусти мальчика, – вышли вдруг к машине из-за торца дома двое громил в расстёгнутых пятнистых куртках по моде «милитари». – В чём дело?

Паша оглянулся, хмыкнул:

– А вот и «крыша» подоспела. Ответный вопрос, граждане: кто вы такие?

– Отпусти пацана! – с ленивой угрозой сказал бритый на-

голо пузан; под курткой у него виднелась волосатая грудь, украшенная наколками; наколки вились и по шее на бритый череп.

Матвей подумал, наклонился к парню в бейсболке, сказал мягко:

– По кривой дорожке пошёл, дружок. До хорошего она не доведёт.

– Отпусти! – Молодой сорванец вдруг выхватил нож, полоснул по руке Матвея, и, если бы он вовремя не среагировал, получил бы серьёзную рану.

Пришлось напрягаться, искать ответ, отбирать нож: это был хороший острый нож, который у бандитов назывался финкой, хотя к финским боевым ножам отношения не имел.

Отобрав финку, Матвей отпустил ухо парня, и тот отскочил, прижимая к налившемуся кровью уху ладонь, плаксиво заорал:

– Отдай жабокол!

– Отдай перо, – повторил напарник бритоголового хриплым голосом, лохматый, с мощной челюстью, заросшей седым волосом.

– А идите-ка вы подобра-поздорову, – спокойно посоветовал Матвей; затевать свару рядом с конторой категорически не хотелось. – Вижу, что оба недавно откинулись, ещё не привыкли к нормальной жизни, однако не рано ли начали промышлять? Снова в казённый дом захотелось?

Бугаи переглянулись. Они явно не ожидали встретить по-

нимающего ситуацию человека, но и терять «достоинство» не желали.

– Подснежников надо уважать, – поворочал головой на мощной шее первый.

– Штыфта на котях не жалко? – цыкнул золотым зубом второй. – Не дрянцы¹, чай.

Матвей поморщился:

– Ну, обратились бы по-честному: вышли, мол, из тюрьги, я бы и посочувствовал. А таким способом вы только настраиваете общественность против себя.

– Не гони порожняк, – презрительно скривил губы небритый. – Гони бабло, ежели сочувствуешь. Твоя тачка заметная, везде найдём.

– Я вызову санитаров? – предложил Паша.

Матвей покачал головой.

– Это не лечится. Идите, мужики, не люблю хамов ни в каком обличье и вам не сочувствую.

– Дунец, врежь ему! – оскалился пацан. – Он же тебя за фраера держит!

– Ох, не советую, – предупредил, нехорошо улыбаясь, Паша.

– Какая статья УК им светит за порчу имущества? – повернулся к нему Матвей.

– Сто шестьдесят седьмая, – ухмыльнулся Паша. –

¹ Подснежники – дети; штыфт – вещь; дрянцы – малоценные вещи; коты – колёса (уголов. жаргон).

До двух лет.

Здоровяки снова переглянулись, озадаченные спокойствием клиентов.

– Ты на кого наезжаешь?! – шевельнул каменной челюстью небритый. – Фраер обколотый?!

– Предупреждаю. – Матвей отвернулся и открыл дверцу машины, боковым зрением не выпуская из виду бывших эков.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Бритоголовый прыгнул на него сбоку, норовя ударить кулачищем по голове.

Небритый достал нож.

Их малолетний напарник метнулся к машине, поднимая с земли обломок бетонной плиты, неведь откуда взявшийся.

Паша, обладавший неплохой реакцией, перехватил парня, отобрал обломок.

Матвей сделал сложное движение, уходя от удара, поймал руку здоровяка, дёрнул его вниз, как бы продолжая движение, и впечатал лбом в ребро дверцы машины, мимолётно подумав: не отломать бы...

Бритоголовый утробно ухнул, упал.

Матвей повернулся к его замершему напарнику, крутанул нож, отнятый у расклеивателя «листовок», особым образом, создавая смертельно опасный веер.

– Рискнёшь, худенький? Или погуляешь ещё пару дней на свободе?

Небритый перевёл взгляд на ворочавшегося на асфальте напарника, спрятал свой «жабокол».

– Хиляем, начальник.

Он помог бритоголовому подняться, Паша отпустил злобно вырывающегося парня, и троица поковыляла прочь, провожаемая взглядами нескольких прохожих, не успевших понять, что произошло.

– Я тебе все шины поколю! – пообещал малолетний кандидат в СИЗО.

Матвей сел в машину. Паша примостился рядом:

– Вот подонки, а?! Покажи ножик.

Матвей отдал ему остро заточенный нож, включил двигатель и не без усилий вывел «Чери» со двора на улицу, размышляя об особенностях «случайных» событий, ведущих к серьёзным последствиям. Не хотелось думать, что на нём кто-то поставил свою метку негативных инициаций, притягивающую неудачи и беды, но почистить себя от дурных наветов стоило. Ничего случайного в мире «запрещённой реальности» Земли не происходило.

* * *

Вечером он поехал к отцу.

Поход на территорию «сталинской» высотки ничего не дал.

Музыка, которую включал днём таинственный владелец

цокольного этажа, слышна не была, хотя жильцы дома, которых удалось опросить эконополицейским, утверждали, что похоронный марш играет каждое утро и каждый вечер с семи часов до десяти.

– Приедешь часам к девяти, – дал указание Паше Матвей, – запишешь шумы и заполнишь опросный лист жильцов, нужно иметь хотя бы десятка два фамилий. Утром повторим обследование, вызовем участкового, слесаря и свидетелей, вырежем замок и арестуем аппаратуру.

– А потом? – спросил Редькович.

– Потом заварим дверь сами, повесим предупреждение: «Не снимать! Работает полиция!» Или что-нибудь в этом роде.

– Понял, товарищ капитан, сделаем, – пообещал лейтенант.

Родители, а также братишка с сестрёнкой были дома.

Матвей обнял маму, живо напомнившую ему Диву, потискал Боруту и Лукерью, выслушал их рассказы о школьно-гимназическом бытье, дал пару ценных советов, поужинал вместе со всеми и присоединился к отцу в кабинете, с удивлением обнаружив там Самандара, грезившего с компьютерным визором на голове.

– Профессор? – поднял брови Матвей. – Вы здесь?

Самандар снял выпуклую дугу визора – очков виртуальной реальности, пригладил волосы, глянул на часы.

– Мимо проходил.

– Мне никто не сказал, что вы ждёте. Вместе поужинали бы.

– Я уже перекусил. – Самандар глянул на Котова-старшего. – Иван снова опаздывает?

– Сейчас будет. Что нового?

– Позитивного почти ноль, одни негативы. Как ни старается президент управлять страной в ручном режиме, система ему не подчиняется. Недавно стало известно о новом «подарке» с ядерными отходами из Германии, полученном через Варну и поступившем на завод «Маяк» в Челябинской губернии. Это около ста тонн токсичного высокорadioактивного дерьма!

Василий Никифорович пожал плечами:

– Давно известно, что Россия является единственной страной в мире, руководство которой готово принимать радиоактивное дерьмо со всего света.

– Вот я и думаю, не пора ли заняться нашим киндер-сюрпризом, атомным начальником, господином Корнюшенко? Похоже, у нынешнего президента действительно не хватает сил разрулить ситуацию.

– Артур говорил, что президент серьёзно болен.

– Так пусть уходит, если ничего не может!

– Не кипятись, комиссар, – улыбнулся Василий Никифорович. – Сформулируй предложение, мы обсудим и наметим бандлик. Хотя Корнюшенко – креатура премьера,

как и остальные гнойники-министры вроде министров здравоохранения, образования, науки, транспорта и промышленности. Надо начинать с премьера.

– Кстати, Минздрав всё ещё колобродит, несмотря на бегство министра, – сказал Самандар. – Знаете что ещё там придумали для улучшения имиджа? Спустили в медцентры негласное распоряжение не писать анамнез – инфаркт!

– Зачем?

– В этом случае статистика сразу намного улучшается, больных вроде бы как становится меньше.

– Надо убрать всех, кто не внял. Минздрав остаётся чёрной дырой для населения.

– Я бы всё-таки начал с премьера.

– Начинать надо с анарха, – вставил слово Матвей. – С Дубинина. И с его правой руки – Меринова.

Хозяин квартиры и гость оценивающе посмотрели на него.

– Слово не мальчика, но мужа, – сказал Самандар одобрительно. – Мы тоже думаем об этом. К сожалению, силёнок пока не хватает. Я вообще считаю, что после Кипра надо срочно менять базу.

Котов-старший кивнул.

Матвей вопросительно посмотрел на него:

– Почему?

– Стас, – коротко ответил Вахид Тожиевич.

– Что Стас?

– Прошу прощения, но доверять я ему не могу, несмотря на данное им слово. Он хочет играть по своим правилам и убеждениям, подставил нас уже дважды, и что сотворит в следующий раз, никто не знает. Рисковать же, привлекая его к нашим делам, я не хочу. Что, если он предложит свои услуги Комитету 300?

Котов поморщился:

– Это ты уже загнул, Тожиевич. Стас не способен на такое предательство.

– Он пойдёт на любой шаг, чтобы доказать свою исключительность и правоту. Подтверждение сему – его служба на Меринова. Кто знает, где он в данный момент?

Матвей пожал плечами:

– Я не знаю. Уходил он с вами, но в Москве не появлялся и на звонки не отвечает.

– Мы расстались в аэропорту Афин. Он пообещал связаться.

– Не связывался, – качнул головой Василий Никифорович.

– Это плохо. Надо обязательно найти его и поговорить, чтобы знать, на что мы можем рассчитывать с его стороны.

В дверь стукнули, вошёл Парамонов, отпустивший седоватую бородку, превращавшую его в стареющего певца Михайлова.

– Извините, мужики, пробки. – Комиссар пожал руки всем присутствующим, сел рядом с Матвеем. – Как де-

ла, коп?

– Нормально, – отчего-то смутился Матвей.

– Работать не хочет, – проворчал Василий Никифорович без особого осуждения в голосе.

Парамонов улыбнулся:

– Работа не волк...

– Анекдот есть в тему, – хмыкнул Вахид Тожиевич. – Господа, третий день не хочется работать, что бы это значило? Наверно, сегодня среда.

– Пусть увольняется, – посоветовал Парамонов. – Скоро такие события развернутся, что некогда будет вздохнуть.

– Товарищи «чистильщики», – проникновенно сказал Матвей, – можно я сам буду решать, увольняться мне или нет?

– Не груби старшим, – сдвинул брови Василий Никифорович. – Не мы сейчас решаем, что нам делать. В дверь стучится даже не война – *изменение реальности*! Мы все можем просто исчезнуть... вместе с дорогими и близкими людьми.

– И с Россией вообще, – добавил Парамонов.

Матвей внутренне поёжился, вдруг ощутив масштаб грядущих в связи со сбором Комитета 300 перемен.

– Надо определить ему место в комиссариате, – продолжил Иван Терентьевич. – Вахид, что мы можем предложить?

– Поначалу участие в бандлике. Веня Соколов не успевает отрабатывать наши рекомендации.

– Что за бандлик? – поинтересовался Матвей, зная,

что под этим термином «чистильщики» имеют в виду не только ликвидацию бандитов, но и вообще операции «Стопкрима».

– Могу дать сводку предполагаемых операций.

– Не рано? – нахмурился Василий Никифорович. – Нам ещё предстоит разбор полётов на Кипре.

– Он был на высоте.

– Но до этого заставил и нас туда отправиться... не сообщая причину своих действий.

– Мы всё равно сами туда ринулись бы, узнав про Сход UnUn. Я считаю, Матвей справился, несмотря на допущенные ошибки, и вполне готов присоединиться к нам. Я прав, капитан?

Матвей выдержал взгляды мужчин, слегка порозовел, чувствуя лёгкую обиду на отца, который предъявлял больше претензий, чем остальные.

– Прошу прощения... за ошибки.

– Это правильный ответ, – благожелательно сказал Парамонов.

– Готов работать на благо справедливого возмездия, – добавил Матвей, тут же заметив неодобрительную морщинку на лбу отца; Василий Никифорович не любил пафосных речей. Но Самандар тоже уловил мину на лице друга.

– К сожалению, в нашей реальности, созданной Монархом Тьмы, никогда не будет работать принцип справедливого воздаяния. Локально разве что, в общем – никогда!

– С чего ты взял? – строптиво осведомился Парамонов.

– Потому что мы внутри – те же тараканы, что и наши предки Блаттоптеры, и управляет нашими поступками генетический комплекс животного эгоизма: плодитесь и убивайте всех, кто сопротивляется! Разве нет?

– Философ, – укоризненно проворчал Парамонов, – исследователь тараканьих душ! Нам хотя бы мораль не читай.

– Я не вам читаю мораль, парень должен знать всё, что знаем мы. Пройдёмся по планам?

– Валяй.

– Начну с медицины, а точнее, с Министерства здравоохранения.

– Вот с него как раз и не надо, – возразил Иван Терентьевич. – С ним как раз всё понятно, мы его не дочистили, придётся ещё раз проанализировать работу всех департаментов и воздать всем должное. У тебя есть конкретные предложения?

– Я занимался другими вещами.

– Тогда давай опустим этот пункт.

Матвей вопросительно посмотрел на отца, он не знал подробностей работы «чистилища» в области здравоохранения, и Василий Никифорович ответил ему кивком, как бы говоря: «Потом расскажу».

– Мы начали разрабатывать корректмероприятия поблочно, – добавил Иван Терентьевич. – Каждая сфера народного хозяйства России коррумпирована по-разному, хотя управ-

ляет процессом единый механизм – российский Союз Незвестных, опираясь на Купол, который, в свою очередь, использует продажных министров правительства и самого премьера, и он, по нашим данным, является правой рукой Дубинина, анарха российского UnUn. А правой рукой премьера является глава Купола...

– Генеральный прокурор России Меринов, – закончил Самандар, – у которого и служил твой брат. Сферу здравоохранения мы действительно пошерстили, нейтрализовав креатуры премьер-министра, и президент поставил на кое-какие важные посты своих людей. Но практически любая сфера деятельности правительства прогнила сверху донизу, и нам приходится разрабатывать целые цепочки «случайных событий», чтобы ликвидировать самых вороватых чиновников. Возьмём школу. Реформа образования со вводом ЕГЭ привела к колоссальному падению уровня образования в масштабах страны, хотя правительство упрямо докладывает общественности об обратном.

– Я слышал, – неуверенно промямлил Матвей.

– Ты только слышал, а нам приходится расхлёбывать эту кашу. Если реформа продлится дальше и ЕГЭ не отменят, Россия рухнет в яму деградации глубже, чем уже рухнула Европа. Ты должен знать, что там творится: чёрно-голубой беспредел, полное отупление обывателей и беспрекословное подчинение масс командам сверху, через беспрецедентно промытые СМИ, Интернет и соцсети. Франция, к приме-

ру, уже утонула в голубом болоте и агрессивной волне исламских и африканских переселенцев, живущих по своим понятиям. В кильватере идёт Германия. Ещё чуть-чуть, и белых – французов, немцев, итальянцев – перережут. У нас, кстати, начинается то же самое. Но идём дальше. Проблема коррумпированности правительства серьёзнее, чем принято считать. Объявленная премьер-министром во всеуслышание борьба с коррупцией – чистейшей воды профанация! И эту болезнь нам тоже придётся лечить через наши институты. Сам понимаешь какие.

– Понимаю.

– Следующая структура – Министерство внутренних дел. Уволенные, попавшиеся на казнокрадстве генералы не тонут, просто пересаживаются в другие, не менее удобные кресла. Примеры: уволенный после бойни в супермаркете, устроенной майором полиции, начальник столичного ГУВД стал советником правительства Москвы. Начальник Краснодарского ГУВД после трагедии в Кущёвской пересел в кресло гендиректора Красноинвестбанка, и так далее и тому подобное. О прокурорской системе, возглавляемой генпрокурором Мериновым, вообще говорить не приходится. Это главная опора беспредела в России. В стране выращена генерация отморожков, имеющая опыт совершения преступлений, но уверенная в своей безнаказанности. Для наших прокуроров принцип «захотел – сделал» стал руководством к действию, так же как и наплевательское отношение к «быд-

ловскому электорату» и даже к указам президента. В основе их деятельности лежит правоохранительная практика, более сочувствующая преступникам, чем законопослушным гражданам. Исправлять положение надо? Безусловно! Посадили бывшего министра обороны после развала армии и колоссальных финансовых потерь? Не посадили! Он должен остаться в «касте неприкасаемых»? Не должен! Как и его высшие крышеватели.

Теперь о местных царьках – губернаторах, которым хорошо там, где нас нет, продолжающих воровать в особо крупных размерах и приобретать на ворованное элитное жильё за рубежом. Могу перечислить с десятков фамилий, многие из них на слуху, как губернатор Камчатки, у которого обнаружили миллионы ворованных денег, или губернатор Коми! Мы начали заниматься сферами образования и медицины, но результат пока нулевой. Ульяновская губерния, Красноярский край, Псковская губерния, где закрыли более ста сельских школ и сократили полсотни роддомов, в результате чего подскочила смертность среди новорождённых и матерей. Реагировать надо?

– Короче, Вахид, – хмуро сказал Котов. – Что ты предлагаешь конкретно?

– Пусть поучаствует в бандлике по делу заказного убийства следователя МВД Данилова, выявившего крупные хищения в Московской объединённой электросетевой компании.

Василий Никифорович посмотрел на Парамонова:

– Твоё мнение?

– Не надо засвечивать Матвея в оперативных мероприятиях с ликвидацией. Пусть начнёт с раздачи чёрных меток.

– Кому?

Иван Терентьевич покосился на Самандара:

– Найдёшь?

– Чего долго искать? – пожал плечами Вахид Тожиевич. – Можно начать с предупреждения НКО, финансируемым из-за бугра для «развития демократии» в России. Об этом, между прочим, Артур просил, с подачи президента. А можно проучить всю блядскую цепочку высокопоставленных законников, повязанных между собой делом Шебанковой.

– Той, которую амнистировали недавно? – поинтересовался Парамонов.

– О чём речь? – не выдержал Матвей, заинтригованный новостью. Газет он не читал, да и теленовостные программы смотрел нечасто.

– Алевтина, дочь председателя курского избиркома госпожи Шебанковой, сбила своим джипом двух сестёр Веремеевых и маленького сына старшей Веремеевой. Младшая сестра Валентина и сын старшей погибли, а сама она стала инвалидом. Суд вынес приговор Алевтине Шебанковой – два года колонии-поселения с отсрочкой наказания на двенадцать лет, до тех пор пока сын нарушительницы правил дорожного движения не получит паспорт. А месяц назад эту

даму, не просидевшую в тюрьме ни дня, абсолютно не рассказавшуюся в содеянном, – стоит только посмотреть на её блог, где она буквально издевается над пострадавшими людьми, целуя камеру со словами: «По сторонам смотреть надо!» – амнистировали. Естественно, не без помощи связей старшей Шебанковой.

– Ты успел разработать по этому делу бандлик? – хмыкнул Иван Терентьевич.

– Ну, бандликом назвать акцию трудно, однако цепочку сволочной связи и подстраховки чиновников, судейских и прокурорских органов Курса, оборвать нужно, чтобы другим неповадно было. Наказать эту молодую негодяйку, сбившую женщин и мальчишку, натуральную..., кстати, а также её мать – чиновницу, следователя, прокурора и судью.

– Что ты предлагаешь?

– Уничтожить джип младшей Шебанковой, подкинув чёрную метку. Подбросить в Сеть МВД компромат на старшую Шебанкову, он у меня уже собран. Поломать рёбра следователю и прокурору, подписавшему постановление об амнистии, и отрубить палец судье, который, точнее – которая уже не первое уголовное дело спускает на тормозах, посоветовав ей уволиться из судейского корпуса.

Парамонов исподлобья глянул на Матвея:

– И ты хочешь, чтобы он сделал это один?

– Почему один? Подсоединим орлов Вениамина, я помогу.

– Стоит ли начинать эти акции сейчас, до Схода мирового UnUn?

– А когда их надо начинать? Мир не изменится, человек тоже, властные структуры тем более, и коль уж мы начали работать по-серьёзному, надо работать. Что скажешь, Никифорович?

Котов помолчал. Матвей затаил дыхание, опустив голову как провинившийся школьник. Уши горели. От слов отца зависела если не его судьба, то результат дальнейших действий, а главное – путь этих действий.

– До Схода Комитета осталось всего две с половиной недели, – задумчиво заговорил Василий Никифорович. – Если верить словам Горшина. А не верить нет причин. Чтобы подготовиться к ликвидации этой вредоносной фауны, нам надо не меньше двух недель. Три-четыре дня можно работать по нашим прежним планам. – Котов-старший поднял голову и посмотрел на Матвея в упор. – Потянешь?

Матвей сглотнул, сделал паузу, как это делал отец, поправил ворот рубашки, стараясь выглядеть обыденно.

– Ты считаешь, у меня нет выбора?

– У нас нет выбора, – уточнил Иван Терентьевич.

– Тогда я с вами, – сказал Матвей бесстрастно.

Самандар рассмеялся, встал, тряхнул его за плечо:

– Мне нравится этот парень.

– Пока он не делает ошибок, – ворчливо отозвался Котов-старший.

– Не ошибается только тот, кто ничего не делает, – возразил Парамонов. – Просто пусть помнит, что цена ошибки в наших делах может стоить ему жизни. Да и нам тоже.

Матвей сжал зубы:

– Если вы мне не верите...

Иван Терентьевич тоже встал, наклонился к нему:

– Если бы мы тебе не верили, этого разговора не было бы. Ты принял решение?

– Да! – выговорил Матвей занемевшими губами.

Глава 3

Чёрная метка

Алевтина Арнольдовна Шебанкова привыкла жить за чужой счёт с момента окончания элитной школы-гимназии № 95 в Курске. Мать Алевтины Римма Самойловна разошлась с её отцом, когда девочке исполнилось двенадцать лет, и вышла замуж за известного в городе бизнесмена Каспарова, возглавлявшего местную администрацию и устроившего туда же свою жену, ставшую сначала начальником отдела ЖКХ, а потом председателем избиркома.

В элитную гимназию Алевтину без конкурса устроил родной отец. В институт развития предпринимательства, и тоже без конкурса, – отчим.

Однако закончив институт, девушка, успевшая проявить себя «светской львицей», работать не пошла, вышла замуж, родила мальчика, развелась и, получив квартиру в центре Курска, на улице Ленина, ударилась во все тяжкие, меняя партнёров как перчатки.

Случались неприятности, в том числе – кража, употребление наркотиков, участие в гейпарадах с избиением несогласных, драки в ресторанах, но все приводы Алевтины в полицию заканчивались одинаково: мать звонила кому следует, и дочь отпускали.

Затем весной она сбила на шикарном «Порше Кайенн»

двух женщин с ребёнком, получила срок, но, выпущенная под залог в миллион рублей (основание – неработающая, с маленьким ребёнком), угодила под амнистию и зажила прежней жизнью, не выразив даже слова сочувствия семье погибших.

В дождливый вечер 8 октября Алевтина с подругой Ираидой, такой же оторвой, как она сама, поехала в ресторан «Дот» на окраине Курска, прославившийся дороговизной и почти ежевечерними разборками молодёжных банд. Поставила джип на стоянку у левого крыла ресторана, построенного в стиле долговременной огневой точки времён Великой Отечественной войны, и проследовала ко входу в «Дот».

В этот момент и подъехал к ресторану кроссовер «Хонда BR-V» вишнёвого цвета, в салоне которого находились Матвей, Вениамин Соколов и двое крепких парней из его команды.

Из Москвы они выехали в шесть часов вечера, в Курск приехали в начале девятого, сменили номера, дождались сообщения от местных наблюдателей группы сопровождения и поехали к ресторану «Дот».

– Осмотритесь, – сказал командир оперативно-разыскной бригады «Стопкрима», вылезая из машины первым.

Парни вылезли следом, но остались у машины. Соколов и Матвей направились к ресторану. Оба были загримированы: худой, болезненного вида Вениамин стал брюнетом с шапкой вьющихся волос, Матвей – блондином с усиками.

Ресторан был разделён на зоны – VIP и эконом-класса. Причём в VIP-зале проводило время гораздо больше гуляющей молодёжи, которую трудно было назвать «золотой», несмотря на их высокопоставленных предков, чем в эконом-зале.

Разумеется, Алевтина Шебанкова «тусила» в компании таких же, как она, отморозков в VIP-зоне, оборудованной кабинками на два, четыре и шесть мест. Компания в составе пятерых молодых людей и двух девушек заняла самую большую кабинку, а поскольку мест было всего шесть, девушки, одетые, а точнее, раздетые по моде «фри-бикини», восседали на коленях парней, не менее безвкусно одетых, с кричащими тату и причёсками под «стадо павианов».

Матвей никогда не относил себя к «золотой молодёжи», несмотря на семейный достаток и связи отца, и не увлекался молодёжными тусовками, хотя друзья у него были, и все вместе они встречались в середине февраля – в Брянске, где жил душа компании Лёха Шилов, и в середине августа – в подмосковном пансионате «Ягодные места». Но эти встречи проходили без каких-либо эксцессов и криков, весело, но не чересчур, тихо и почти камерно: даже старинные романсы и русские песни советского периода пели без бравурной лихости, хотя и увлечённо, насколько позволяли вокальные данные. Теперь же, глядя на гульбу другой компании, отвязной и хамской, ведущей себя как в хлеву, не обращавшей внимания на других посетителей ресторана, Матвей поймал

себя на мысли, что, во-первых, дети высокопоставленных чиновников, за редчайшим исключением, всегда и везде ведут себя как наглецы и хамы, уверенные в своей безнаказанности. Во-вторых, ему вдруг захотелось одним движением бровей *заколдовать* этих безмозглых отмороzków так, чтобы они *никогда* не вели себя беспардонно в общественных местах. Желание было таким сильным, что он даже испугался, отмахнувшись пальцем возле уха как от нечистой силы.

– Сразу пойдём? – спросил он Соколова, едва сдерживаясь.

– Сядем, – флегматично предложил главный оперативник «Стопкрима», похожий на мальчишку угловатостью фигуры, худобой и взъерошенностью; никто никогда не догадался бы по виду определить в этом человеке мастера рукопашного боя и тонкого аналитика острых ситуаций.

Заняли двухместную кабинку у стены зала, превращённой архитекторами здания и художниками в ряд бойниц с установленными в них муляжами пулемётов «максим». Заказали чай с бутербродами «по-хрущёвски». Посидели десять минут для приличия, вслушиваясь в хохот, мат и вопли резвившихся, вполне взрослых двадцатилетних парней и почти тридцатилетних девиц. Алевтина Шебанкова вела себя ничуть не сдержаннее остальных, залезала на колени к парням, целовалась, пила виски и хохотала так же громко, как и остальные, не чувствуя за собой никакой вины. Это была молодая стерва, воспитанная такой же стервой матерью,

и пронять её можно было только неким пугающим действием сродни взрыву гранаты в ухе, и Матвей мимолётно подумал, что на таких людей не действуют не только обычные методы воспитания и положительные примеры, но даже угрозы таких же отморожков, потому что они мысли не допускают о возможности ответного наказания.

– Что предлагаешь? – спросил Соколов.

– Их много... – пробормотал Матвей.

– Страшно? – усмехнулся Вениамин Кириллович.

Матвей смутился:

– Не хотелось бы поднимать бучу.

– Есть предложения?

– Давайте пошлём ей метку с объяснением в конверте, официант передаст, она прочитает...

Соколов кивнул:

– Разумно. Метку можно передать и в конверте, а вот письмо – улика, да и читать она не будет. Соображай.

Матвей пригляделся к сопровождению Шебанковой.

Парни являли собой прекрасный пример пофигистов, имеющих за спиной поддержку чиновничьей структуры, – их отцы, матери, братья и родственники «управляли» городом, что в преломлении психики парней представлялось как управление всем миром, – и о последствиях своего «отдыха» они не задумывались. Бить им за это морды было бы напрасной тратой времени. Они всё равно не поняли бы, за что их метелят, и в первую очередь побежали бы жало-

ваться своим родственникам. Даже смотреть на них было *противно*.

– Позвонить? – сказал Матвей.

– Хорошая мысль, – согласился Соколов.

– Но ведь и номер мобильного – улика.

– Для таких звонков существуют одноразовые симки.

Матвей невольно качнул головой:

– Вы всё предусмотрели...

– Не я лично – второй.

Речь шла о комиссаре-2, эту должность в «Стопкриме» занимал Самандар, в то время как отец Матвея был первым.

– Номер её мобильного известен?

– Конечно.

– Кто будет звонить?

– Ты предложил, ты и звони.

Матвей спрашивал, зная ответ, поэтому возражать не стал.

– Давайте номер.

Соколов достал мобильный – старенький смартфон без 3D-экрана, нашёл адрес, коснулся панельки пальцем.

– Её зовут Алевтина Арнольдовна.

– Помню. Надо сначала передать конверт.

Соколов не изменил позы, бросив тихую фразу:

– Парни, запускайте.

Связь с оперативниками группы держали по рациям, замаскированным под гарнитуру новеньких смартфонов, по-

этому переговоры всей группы слышал и Матвей.

– Пошли, – донёлся тихий голос в спрятанной в ушной раковине клипсе рации.

В ресторан вошёл небольшого роста, но толстый молодой парень с рюкзачком за плечами, в чёрной курточке и кожаных штанах, оглядел зал с кабинками, подошёл к гуляющей компании.

– Извините, кто из вас Шебанкова?

На него обратил внимание парень, у которого Алевтина сидела на коленях, толкнул её в спину.

– Тебя.

– Чего надо? – спросила молодая женщина, бросив на стол смятую салфетку.

– Велели передать. – Толстяк протянул Алевтине конвертик из плотной белой бумаги.

– Что это?

– Не знаю. Велели отдать вам в руки.

Шебанкова слезла с колен приятеля, взяла конверт.

– Звони, – скомандовал Соколов.

Матвей поднёс трубку к уху.

Алевтина Шебанкова, открывшая к этому моменту конверт и вытащившая оттуда прямоугольничек чёрного картона с вытисненным на нём кинжальчиком, рукоять которого образовывали буквы СК, услышала звон своего мобильного, достала его из сумочки, с недоумением разглядывая метку «Стопкрима».

– Что за хрень?! Да-а? Алё?

– Мадам Шебанкова, то, что вы держите в руке, – чёрная метка общественной организации «Стопкрим», известной ещё как «чистилище», – сказал Матвей с ледяным равнодушием. – Поскольку вы не только не раскаялись в содеянном – в убийстве женщины и ребёнка, – но даже издеваетесь над ними в своём блоге и не намереваетесь платить компенсацию, вы приговариваетесь к серьёзному наказанию. Это предупреждение первое и последнее. Если вы завтра же не явитесь в органы и не пройдёте правовые процедуры – с вами непременно случится несчастье! То же самое объявлено всем вашим защитникам и подельникам – матери, следователю, прокурору и судье.

– Да что за гадские шуточки?! – разъярилась Алевтина. – Кто звонит?!

– Прислушайтесь, пока не поздно. – Матвей выключил телефон, передал смартфон Соколову.

– Хорошо сказал, – похвалил его Вениамин. – Я бы не сказал лучше.

В кабинке с компанией Шебанковой началось оживление. Молодые люди зашумели, хохот усилился, и в этот момент за стенами «Дота» прогремел взрыв. Стены ресторана вздрогнули, посыпались стёкла ближайших к двери окон. В зале установилась пугливая тишина, даже звучавшая до этого момента музыка стихла, затем все посетители ресторана выскочили из кабинок, бросились к выходу. За ни-

ми помчались и собутыльники Шебанковой, крича что-то о «террористах».

– Двинулись, – спокойно сказал Соколов, вставая.

Вышли вместе с испуганными официантами ресторана.

На стоянке перед старинной церковкой горел джип Шебанковой, разбрызгивая огненные капли и смрадные лохмотья дыма. Вокруг него суетились владельцы соседних авто, пытаясь защитить машины от огня и увести их со стоянки. Кто-то кричал, ревели клаксоны автомобилей, проезжавших по улице. Где-то недалеко слышался железный рёв пожарной машины. Однако Матвей отметил, что пострадал только «Порше» Алевтины Шебанковой, и восхитился ювелирной работой взрывников «Стопкрима», сработавших с похвальной точностью.

Поведение спутников Шебанковой было понятно, они испугались показательной акции, а вот её поведение озадачивало. Молодая женщина спокойно стояла в сторонке, смотрела на свою догорающую машину, стоившую немалых денег, и разговаривала по мобильному телефону. Растерянной она не выглядела, зло хмурия тонко подведённые брови.

– Вряд ли она поймёт предупреждение, – усомнился Матвей, усаживаясь в подъехавший кроссовер.

– Похоже, нам придётся ещё раз приезжать в Курск, – согласился Соколов, устраиваясь рядом на заднем сиденье.

– Надеюсь, вы не собираетесь её... мочить?

– Нет.

– Зачем же передавали чёрную метку?

– В принципе вина этой дамы не тянет на вышку, однако наказание должно быть неотвратимым. Как решит комиссариат. А вот старшие её подельники, по сути освободившие преступницу от справедливого возмездия, виновны больше.

– Вы их...

– Нужны более радикальные меры. – Соколов включил рацию. – Афоня, что у вас?

В Курск приехали двенадцать бойцов оперативной бригады, не считая сопровождавших Соколова оперативников, и все они должны были сделать одно и то же – вручить «спасителям» Шебанковой чёрные метки и провести акции устрашения.

– Все на месте, – ответил Соколову командир подразделения, специализирующегося на проведении «мелких» бандликов. – Акции проведены без сучка и задоринки. Больше всего возились с судьёй, она как чувствовала наш интерес, бегала по всему городу.

– Передали?

– Так точно.

– Свидетели?

– Нет. Джип «Тойота Лендкрузер» – горит, мизинец укоротили, поорала, но поняла.

– Хорошо. – Соколов выключил рацию. – Федя, домой.

Водитель кроссовера, хорошо ориентирующийся в Курске, повернул к мосту через реку Тускарь. Спустя полчаса

они были за городом.

Уже в Москве Матвею сообщили сводку криминальных новостей по Курску, в которых сообщалось, что в городе неизвестные «отморозки» взорвали одновременно пять автомобилей, принадлежащих сотруднику УВД следователю Своеву, прокурору Лившицу, судье Синякиной, председателю горизбиркома Шебанковой и её дочери Алевтине. Всем пятерым были вручены чёрные визитки «Стопкрима» с вытесненными кинжальчиками, после чего прокурору, судье и председателю избиркома были отрублены мизинцы. А в Интернет были сброшены компроматы на всех пятерых, объяснявшие суть необычных наказаний чиновников правопорядка, позволивших уйти от ответственности Алевтине Шебанковой за совершённое ею преступление.

Акция наделала много шума, и в УВД города пообещали сделать всё возможное, чтобы найти самодельных «судей и палачей» заработавшего в полной мере «чистилища», деятельность которого в душе поддерживала большая часть населения России.

– Плевали они на закон, – сказал Матвей, прощаясь у дома с Вениамином; его вдруг взяли сомнения, что карательная акция возымеет действие. – У них все повязаны меж собой круговой порукой, крышуют друг друга испокон веков, это система пострашнее мафии.

– Посмотрим, – сказал Соколов обещающе. – Мы тоже система.

Только через три дня после этого события Матвей узнал от отца, что курского прокурора Лившица срочно перевели в Магадан, следователь Своев уволился, судья Синякина уехала за границу, в Литву, а на Алевтину Шебанкову повторно завели уголовное дело.

«Стопкрим» начали уважать, хотя и злобно. Во всяком случае, глава Следственного комитета России Вергилий Хомутин заявил, что сделает всё возможное для ликвидации «террористической организации» «Стопкрим», попирающей законы государства. Читать следовало: «попирающей законы бандитской чиновничьей структуры государства».

Глава 4

Хроники национальной катастрофы

Президент чувствовал себя скверно. Боли в коленях не проходили, несмотря на применение магнито-волновой терапии для лечения артрозов, а к ним ещё добавились боли в сердце. После разговора с советником месячной давности, в котором Артур Владиленович посоветовал Игорю Владиславовичу пройти курс лечения, президент сдал анализы на онкомаркер – ПСА, прошёл полное медицинское обследование и убедился в том, что советник прав: каждая международная встреча отнимала у Игоря Владиславовича много сил, и, как бы ни шутили по этому поводу российские либералы (Артур называл их либерастами), управляемые Западом через так называемые неправительственные организации и фонды развития демократии, на президента оказывалось негативное дистанционное пси-воздействие, сказывающееся на здоровье, на психике прежде всего, провоцирующее заболевания опорно-двигательного аппарата и сердца. Он поздно спохватился, начиная искать методы защиты от воздействия, но теперь хотя бы знал, что его приговорили к ликвидации, спровоцировав неизлечимую болезнь. И хотя рак ему «не всадили», вдруг участились сердечные приступы, начались боли в суставах, и не приходилось сомневаться, что враги научились издали воздействовать на людей, актив-

вируя либо усиливая их недуги.

Игорь Владиславович нажал на панели селектора клавишу вызова секретаря, бросил:

– Полчаса ни с кем не соединять, я занят.

– Хорошо, Игорь Владиславович, – ответил пресс-секретарь густым баритоном.

Президент знал его давно, ещё по работе в Иркутске, и этот всегда тщательно выбритый, подтянутый, безукоризненно одевающийся, вежливый человек ему нравился.

Обезболивающее – Игорь Владиславович пользовался вольтареновыми свечами – действовало через двадцать минут. Стало значительно легче, захотелось сделать если не пробежку по парку, то хотя бы прогулку. Однако он давно не давал себе поблажек, научившись отдыхать в короткие периоды между рабочими совещаниями, визитами к губернаторам и работой с документацией, поэтому и в нынешний дождливый октябрьский день позволил себе лишь прогулку по кабинету и чашку кофе с ломтиком лайма.

День начался с доклада пресс-секретаря о положении дел внутри страны. Отсеиванием важной информации для президента занимался целый отдел экспертов, после чего пресс-секретарь выделял наиболее важные события и обращал на них внимание шефа.

Потом в десять появился директор ФСБ Звягинцев с докладом о событиях в Приднестровье. В последние полгода война там на границе с Украиной прекратилась, но непод-

контрольные официальному Киеву нацбатальоны «Днепр» и «Азов», переброшенные из-под Донецка в Одесскую область, по-прежнему вели обстрелы пограничных укреплений российских миротворцев, жертвы множились, по большей части среди мирного населения, и надо было эту проблему решать. Кроме того, у главного ведомства, отвечающего за безопасность страны, хватало хлопот с деятельностью боевиков «Исламского государства» на Ближнем Востоке, уже занявшем почти весь Ирак, Ливию, Палестину и половину Сирии, рвущегося к границам Ирана, Саудовской Аравии и устраивающего теракты и диверсии не только в Египте и Турции, но и на территории Узбекистана, Киргизии, Армении и Азербайджана.

Звягинцев сообщил о деятельности российской разведывательно-диверсионной группы «Блиц» в ИГИЛ, уже отличившейся в спасении российских журналистов и ликвидации амиров – особо одиозных полевых командиров бандгосударства из числа наёмников из той же России, и предложил направить группу в Турцию для ликвидации спецподразделения ЦРУ, включающего надсмотрщиков за агентами-вербовщиками, и самого мотиватора, вербующего сторонников для ИГИЛ, в том числе – на территории России.

Конечно, Игорь Владиславович понимал, что нельзя в таких делах надеяться только на мастерство спецслужб, вычислявших в рядах боевиков выходцев из России и уничтожавших их на месте, надо было вводить жёсткий визовый режим

со странами СНГ и южными государствами, надо было вести умную политику сдерживания, учить детей в школах и студентов патриотизму без окраса «квасной», работать с вербовщиками и проамериканскими СМИ, идеологами некоммерческих фондов, и так далее и так далее, но президент не являлся сторонником ублюдочной толерантности, по сути – программы пси-воздействия на лидеров государств, заставлявшей их лизать задницы американских кукловодов, и дал согласие на отправку группы в Турцию. Опасность усиления ИГИЛ была настолько велика, что колебаться с радикальными мерами противодействия этой стремительно увеличивающейся банде головорезов не стоило. Договориться с ними было невозможно, их надо было просто уничтожать, как стаю всепожирающей саранчи.

Вслед за директором ФСБ на приём напросился председатель «Народного Фронта» Симаков, молодой, энергичный, всегда настроенный по-деловому и тщательно готовивший неожиданные, но весьма полезные предложения. Говорили о борьбе с пропагандой «европейских ценностей» родными СМИ, которых Симаков откровенно называл вражескими, и о тех чиновниках, которые им помогают, поддерживая колонну предателей России. Он же завёл разговор о деятельности таинственного «Стопкрима», заставившего многих чиновников-либералов у власти умерить свои амбиции и пересмотреть политику хозяйственного хаоса, не позволяющую государству стимулировать реальный сектор эконо-

мики. Служа глобальному бизнесу против своей же страны, эти либералы реализовывали чужие схемы управления финансами, всё чаще приводящие к банкротству и разорению малых предприятий и целых секторов хозяйства.

Затронул Симаков и тему дискуссии в средствах массовой информации России о возвращении смертной казни. Дискуссия выплеснулась на все виды площадок телевизионных каналов, в ней участвовали как учёные-политологи, психологи и специалисты в области социологии, так и студенты, домохозяйки и писатели. Но больше всех бесновалась по этому поводу аудитория либеральных каналов – РБК, ТНТ, НТВ, Забугорные Вести, а также «Коммерсанта-FM, «Новой газеты» и радиостанции «Ухо Москвы», несмотря на то что её главный редактор недавно погиб от случайного падения на его машину столба-осветителя.

Президент помнил наделавшее шуму происшествие, так как советник признался ему, что смерть Венедикта Горелика была делом рук чистильщиков «Стопкрима», однако говорить собеседнику об этом не стал.

– Да, мне докладывали о ходе расследования, – подтвердил он. – Но ведь это был несчастный случай?

Смуглолицый, скуластый Симаков улыбнулся:

– Говорят, Горелика убрали «чистильщики». Но поскольку радиостанция по-прежнему занимается развращением населения, каждодневно выливая в уши слушателей тонны яда неприятия российской идентичности, «чистильщикам» сле-

довало бы убрать и замов Горелика, отрабатывающих западные деньги, и лоббистов радиостанции в правительстве.

– Вы не слишком агрессивны, Иван Сергеевич? – шевельнул бровью президент.

– Возможно, я перегибаю палку, – не стушевался Симаков, – но реагировать на деятельность вражеских организаций необходимо, чтобы и у нас не грянула какая-нибудь «цветная» революция. Я бы в ближайшее время лишил российского гражданства несколько десятков журналистов и выслал бы в Европу, к примеру, в Чехию, где до сих пор вещает радио «Свобода». Их всех туда возьмут. А тех, кого не возьмут на «Свободу», пристроят на «Голос Америки». Именно такие нытики и разрушили когда-то СССР.

– Вы настолько не любите журналистов? – улыбнулся Игорь Владиславович.

– Не всех, только тех, кто не любит Россию и постоянно обливает её грязью. Но у меня есть и другие предложения, не менее радикальные, но более необходимые. Выслушаете или я пришлю вам записку по электронной почте?

Игорь Владиславович поколебался, глянув на часы, однако решил не обижать председателя НФ, полностью поддерживающего его политику.

– Только покороче, Иван Сергеевич.

– Совсем коротко, Игорь Владиславович, хотя меры это неотложные. Считаю, что нужно срочно обеспечить абсолютную независимость суда во главе с Верховным и Консти-

туционным судом как главного арбитра во всех спорах. Парламент, то бишь Государственная Дума, тоже должен быть независимым и от президента, и от премьера. Надо доработать закон о миграции, который ограничит приток в страну неквалифицированных рабочих кадров. Плюс доработать закон о бесплатном образовании и возврат к старой советской школе с учётом прогрессивного контроля и новаций в этой сфере. Закон о бесплатной медицине расширить. И, наконец, ввести закон о смертной казни убийц с отягчающими обстоятельствами и торговцев наркотиками! Что бы ни кричали либералы и правозащитники, защищающие преступников с гораздо большим рвением, чем ни в чём не повинных людей, народ не хочет кормить убийц, продолжающих жить в тюрьмах!

Президент покачал головой:

– Вы замахнулись, однако. Такие законы нельзя принимать, не обдумав тщательно последствия.

– Больше семидесяти процентов населения вас поддержит, особенно в части смертной казни.

– Всё равно мы должны работать по этому вопросу в правовом поле, чтобы на нас потом те же либералы-правозащитники не спустили всех собак и не устроили революции. Осенью объявим общероссийский референдум и посмотрим, с чем нам придётся столкнуться.

– Ничего, пробьёмся, Игорь Владиславович, «Народный Фронт» с вами.

– Главное, чтобы он был с народом, – улыбнулся президент. – Остальные ваши предложения оформите как пакет неотложных мер по реформе хозяйства, примите на съезде «Фронта» и предложите для закрепления их законодательно в Думу.

– Будет сделано, Игорь Владиславович. Вообще-то все наши предложения были высказаны и прежнему президенту, но он, к сожалению, почти ничего не реализовал. Да и вообще наделал ошибок.

– Это каких, хотелось бы знать?

– Майдан Украины – его ошибка! Спецслужбы знали о нарастающем бандеровском движении, но ничего не предпринимали! Не надо было ждать, когда в президентах и чиновниках страны проснётся совесть. И войны бы не было! Плюс принятие ЕГЭ! Разве это не ошибка? Колоссальная! Он не видел, к чему это приведёт?

– Не видел, наверно.

– Не верю! А реформа Минздрава?! Рост смертности от этой реформы тоже был не виден? А уничтожение контрафактной продукции как ответ на санкции – не ошибка? Ну, пусть уничтожали бы некачественные продукты, но ведь уничтожали и те, которые можно было бы отдать обездоленным! А они не только уничтожались, но и продавались из-под полы!

Игорь Владиславович засмеялся:

– Полегче, Иван Сергеевич, полегче, президенты – тоже

люди и способны ошибаться.

– Но не в таких вопросах!

– Согласен, я пытаюсь их не делать. Всего доброго.

Симаков ушёл, но президент ещё несколько минут не отвечал на звонки, обдумывая слова Ивана Сергеевича, пока в кабинете не появился советник, которого он вызвал на двенадцать часов дня.

Артур Суворов выглядел как всегда подтянутым, внимательным, спокойным и уверенным в себе.

Игорь Владиславович вспомнил рассказ советника о предках человеках – Блаттоптера сапиенс, «тараканах разумных», – и невольно улыбнулся: Суворов на таракана не походил никак. Мелькнула мысль – не пошутил ли советник с мифом о «запрещённой реальности», созданной Монархом Тьмы, не проверял ли умственные способности президента? Мысль устыдилась сама себя и тихо скользнула в недоступные даже самому президенту тайники души.

– Хорошо выглядите, Артур Владиленович. – Президент пожал гостю руку, усадил напротив себя.

– Чего не могу сказать о вас, – проговорил Суворов с сожалением. – Что говорят врачи?

– Врачи советуют бросить работу и лечь на месяц в клинику, подлечить сердечно-сосудистую систему. Не говоря уже о колене.

– Лечь на месяц – мудрый совет, – улыбнулся Артур, – особенно если учесть, что вы президент. Алмаг не помог?

– Помог, но артроз зашёл далеко, нужен комплексный план спасения здоровья. К счастью, ПСА в норме, а то я уже запаниковал после ваших слов об активизации рака агентами ЦРУ.

– Я не шутил.

– Верю, но прямых доказательств того, что американцы натренировались дистанционно активировать вирус рака, у меня нет.

– Болезни президентов и премьеров, не следующих в кильватере американской политики, вас не впечатляют?

– Возможно, в этом что-то есть. Но давайте поговорим о делах, а не о моих болезнях. Я только что беседовал с Симановым, он нарисовал далеко не радужную картину жизни страны. Хотелось бы выслушать ваши соображения, что происходит.

– Я не скажу ничего нового.

– Уверен в обратном.

– Хорошо, попробую, – согласился Артур, подумав, что сегодня же свяжется с Котовым и попросит найти президенту целителя. Нужен был не обычный врач, использующий западные стандарты лечения, а ведический, воспринимающий нарушения здоровья пациента на уровне энергетики, видящий суть и причины заболеваний. О вирусе рака речь, к счастью, не шла, но что-то с Игорем Владиславовичем происходило, внутри сидела какая-то зараза, некий «энергоинформационный вирус», и его надо было срочно удалять.

– Если совсем лаконично, Игорь Владиславович, то у нас почти всё плохо, – собрался он с духом. – Налицо национальная катастрофа, несмотря на эмоциональный подъём народа, удачное импортозамещение, рост самосознания и патриотизма. Мы не поддались кризису, беспрецедентному давлению извне, науськиванию американцев устроить бойню в Украине, Киргизии, Таджикистане, Молдавии, Армении и Прибалтике, вырастили приличную армию, создали мощную оборону, космические войска, но...

– Всё-таки «но», – грустно кивнул президент.

– Чёрная дьявольская система не отступила, а, наоборот, усилила натиск через подконтрольные ей правительственно-чиновничьи структуры. Доля коренного населения России продолжает снижаться, не в последнюю очередь из-за лишения людей социальных гарантий, бесплатной качественной медицины, права на достойно оплачиваемый труд. Катастрофическими темпами идёт латентное замещение русского населения пришлыми этносами. Тихой сапой иностранцам отдаются в аренду на полсотни лет сельскохозяйственные угодья в Сибири, на Дальнем Востоке, в Забайкалье и на Кольском полуострове. Налицо подмена натурального здорового питания импортными эрзац-продуктами, наносящими вред здоровью. Вы этого не знаете?

– Действительно, ничего нового, – вздохнул Игорь Владиславович. – Бьёшься за выживание, как раб на галерах, а результата нет.

– Нужно менять систему.

– На другую такую же?

– На исповедующую справедливость как закон.

– Всеобщая справедливость – утопия, – фыркнул Игорь Владиславович, – миф, как и эта ваша Великая Вещь под названием «Сорок».

Артур усмехнулся:

– Вы так и не поверили, что люди – потомки тараканов?

– Если судить по нашим поступкам – похоже, но мне никто не доказал, что существуют тайные Союзы Неизвестных, МИРЫ и их Хранители, древние магические сокровища и тому подобное. Воюем мы не с колдунами-магами, а с реальными людьми.

– Управляемыми колдунами.

Игорь Владиславович нахмурился:

– Вы упрямец, Артур Владиленович... хотя я почему-то вам верю. Но давайте закончим бесплодные рассуждения о необходимости улучшения жизни страны. Для этого существуют другие институты. Как вы думаете, какая проблема стоит перед нами в первую голову? Что прогнило до основания и требует вмешательства вашего «чистилища»?

– Оно такое же моё, как и ваше.

– Ну, ладно, не придирайтесь к словам. Никогда не думал, что мне придётся обращаться за помощью к организации, действующей вне закона.

– Во-первых, не вы первый прибегаете к помощи таких

организаций. Все Союзы Неизвестных, управляющие миром, или UnUn, как иногда их называют, являются незаконными формированиями. Точнее, они и определяют законы, по которым мы живём. Во-вторых, ваш предшественник тоже понимал пагубность активизации неонацистов и либералов, создав частные военизированные подразделения «Рубеж» и «Возмездие». Теперь они в вашем распоряжении.

– Не зайдём ли мы так далеко, используя их, что, как говорил герой фильма «Собака на сене», самым меньшим наказанием для нас будет плаха?

– Вы боитесь?

Президент покивал каким-то своим невесёлым мыслям, но сказал:

– Нет.

– Тогда прочь сомнения! «Рубеж» и «Возмездие» хороши за рубежом, а «Стопкрим» поможет очистить страну от мусора изнутри. Смертная казнь возвращается неотвратимо, и пусть все подонки на всех уровнях власти знают это! Неужели вы не видите, что в России идёт скрытое выращивание из молодых людей ублюдков, живущих Интернетом и одним днём, готовых на всё? На Украине больше тридцати лет шёл такой же тихий процесс, воспитавший из молодёжи настоящих неофашистов, пропитанных ненавистью ко всему русскому. Выросло не одно, а целых два поколения нацистов и бандеровцев, мечтающих истребить русских всех до одного и доказать всему миру, что они древнее, главнее и сильнее

всех живущих на Земле!

– Древнее? – не понял Игорь Владиславович.

– Вы не слышали откровения украинских историков о том, что это именно укры создали цивилизацию инков и майя, построили египетские пирамиды, Великую Китайскую стену и вырыли Чёрное море?

Президент засмеялся:

– Шутите.

– Ничуть, почитайте украинские учебники истории. Нынешняя Украина – не просто театр абсурда, подчинённый воле заокеанских кукловодов, это глобальный блеф и тотальная ложь! Это ежедневное убийство мирных граждан с иным мировоззрением с молчаливого согласия толпы обывателей с промытыми мозгами и звериного одобрения безумных молодчиков в балаклавах! В две тысячи пятнадцатом году у киевской власти был шанс мирного урегулирования конфликта, но мозгов там как не было, так и нет, да и американским кукловодам мир на Украине невыгоден. Налицо вторая, если уже не третья, волна антироссийской истерии, инспирируемая американцами.

– Джеб Буш...

– Джеб Буш – порождение того же мрака, что и его предшественник Обама и вообще все американцы.

– Я гляжу, вы не только украинцев не любите, но и американскую нацию не меньше, – улыбнулся Игорь Владиславович.

– Да какая это нация? – презрительно сморщился Артур. – Потомки сброда бандитов, воров, насильников и убийц, бежавших от наказания из Европы и всего мира в Северную Америку! Такого тяжелейшего в психическом отношении наследства не имеет ни один земной этнос! Но если после создания частных армий мы можем защищать россиян за рубежом, как не стесняются это делать те же американцы, то кто очистит от скверны Россию изнутри?

– Пушкин, – пошутил Игорь Владиславович.

– То есть никто, – развёл руками Артур. – У финансово-банковской группы есть свои лоббисты в Думе и в правительстве, поэтому наши банкиры и получают триллионы на поддержку своего ростовщического бизнеса. А у бюджетников, пенсионеров, учителей нет таких лоббистов, и власть спокойно и цинично их обирает, под новыми предложениями увеличивая налоги и стоимость услуг. Вам ли не знать, что очередной налоговый маневр привёл к снижению экспортных пошлин на добычу полезных ископаемых, и в результате мы получили рост стоимости энергоресурсов внутри страны. А ещё удивляемся, почему растёт цена на бензин.

– Я пытался бороться...

– Плохо пытались, Игорь Владиславович, прошу прощения за укор. Премьер-министр доклевал вас, как... – Артур поискал слово, – как коршун воробья.

– Вы... безжалостны, Артур Владиленович, – криво улыбнулся президент.

– Я объективен, и только. – Артур расслабился, обнаружив, что ногти сжатых в кулаки пальцев вонзились в ладонь. – Я не хочу ни с кем воевать, но если придётся – загрызу любого за Россию и российский народ!

– Это я уже понял. Было время, когда я сомневался в вас.

– Надеюсь, оно прошло?

– Я убедился в ваших искренности и опыте. Хотя вы всё равно не растолковали мне до конца суть глобального противостояния в мире.

– Эта суть совершенно проста и однозначна. Мировой Внутренний Круг человечества расплескался на отдельные закрытые зоны под давлением сил тьмы. Комитет 300, или, как принято называть эту организацию с оттенком ёрничества и насмешки, «мировое правительство», «мировая закулиса», а по сути – надгосударственная структура, планетарный Союз Неизвестных – UnUn, стремится к мировому господству и установлению тоталитарного режима Нового Мировопорядка, используя все доступные ей методы и средства.

– Того, в чём запад обвиняет Россию.

– Совершенно верно. До битвы инфарха и Монарха Тьмы мировой UnUn использовал магические возможности эмиссаров и соответствующие практики, сохранявшие силу миллионы лет. Инфарх сбросил Монарха в иные пространства, установив новый глобальный Закон, запрещающий в пространстве Земли магию. Вы следите за мыслью?

– Д-да, – не сразу отозвался слегка ословевший Игорь

Владиславович.

– Но UnUn остался как структура, и устремления этого Комитета не ушли в никуда. Бывший анарх Союза Неизвестных России собрал тридцать семь Великих Вещей, о которых я вам говорил...

– В Киеве.

– К сожалению, мы узнали об этом недавно, что существенно усложнило нашу задачу. Эти Вещи хранятся в МИРе Акарин под Киево-Печерской лаврой. Именно туда собираются прибыть эмиссары Комитета 300, мирового UnUn, чтобы попытаться инициировать Великие Вещи и вернуть магическое оперирование реальностью и людьми под свой контроль.

– Помнится, вы говорили о Кипре.

– Это оказался ложный след. Ходили слухи, что на Кипре прячется Великая Вещь, способная наделить могуществом любого человека.

– Сорок. Её нашли?

– Сорок – легенда, придуманная Хранителями МИРов для направления искателей по ложному следу. Чтобы нейтрализовать Закон забвения магии, установленный служителем светлых сил, инфархом, нужно собрать вместе сорок Великих Вещей.

– Вы сказали, что собрано всего тридцать семь?

– Наш анарх с помощью главы Купола, которым является генеральный прокурор Меринов, я давал вам пакет дока-

зательств, ищет Великие Вещи давно и жаждет стать главой российского UnUn, уничтожив при этом соперника – американский UnUn.

– Хорошая идея, – усмехнулся президент.

– Да, неплохая, если бы не нюансы. Меринов сам желает стать главой Комитета, для чего наметил план ликвидации всех анархов, как чужих, так и своих.

– Ловко!

Артур оценивающе посмотрел на порозовевшее лицо руководителя страны:

– Вы так считаете?

Президент вытер пот на лбу платком, достал таблетку обезболивающего, проглотил, запил водой из графина. Руки его дрожали.

– Я в том смысле, не помочь ли ему?

– Эту идею разрабатывают и наши стратеги в «Стопкриме». Но у них не хватит сил, чтобы устроить в Киеве засаду на весь Комитет. Они даже подготовиться как следует не успеют.

– Каким же образом Меринов собирается устранить конкурентов?

– В его распоряжении мощь всего криминального мира, всего Купола, а главное – вы не поверите – деятели в МВД, ФСБ и Министерстве обороны.

Брови президента прыгнули на лоб.

– Министерство обороны?! ФСБ?! Он что же, хочет раз-

вязать войну?!

– Не думаю, глобальная война не в его интересах, но ради достижения абсолютной власти этот человек способен на всё.

– Он не посмеет! Армия не пойдёт за ним!

– Посмеет, и армия ему по большому счёту будет не нужна, достаточно будет пары ракетных полков стратегического назначения. – Артур подумал. – Или всего одной подводной лодки с «Булавами» на борту.

– Не верю! Ни один командир атомохода ему не подчинится.

– Но подчинится министру обороны, способному отдать приказ, а по моим сведениям, нынешний министр с Мериновым в очень хороших отношениях.

– Я сегодня же встречусь с ним...

– Не торопитесь, Игорь Владиславович, эту встречу надо тщательно подготовить. Я тоже не верю, что Меринов пойдёт на ядерный удар по Киеву ради своих амбиций, однако наверняка пошлёт туда спецкоманду для решения проблемы. Надо упредить его.

– Как?

– Комиссариат «Стопкрима» намеревается послать на Украину своих бойцов, чтобы не дать анархам UnUn завладеть пороговым кластером Великих Вещей, но «чистильщикам» надо помочь.

– Чем?

– На территории Донбасса сейчас работает разведывательно-диверсионная группа «Штык» из бригады «Возмездия»...

Президент сделал нетерпеливое движение рукой: воинское формирование «Возмездие» было создано ещё прежним президентом, а команда «Штык» была послана на Украину после отказа ООН дать ход делу о преступлениях украинских нацистов и карателей. Игорь Владиславович знал об этом и поддерживал деятельность «Возмездия», не имея возможности делать то же самое официальным путём. Группа «Штык», набранная из добровольцев, желающих отомстить карателям за гибель близких и пытки ни в чём не повинных людей, ликвидировала наиболее жестоких полевых командиров СБУ и «Правого сектора».

– Можно переподчинить «Штык» «чистилищу», – закончил Артур.

– Этого будет достаточно? – с сомнением проговорил Игорь Владиславович.

– Можно подсоединить к нашим парням и СДРГ «Блиц» в Турции, которая отстреливает боевиков и вербовщиков ИГИЛ. Ей будет проще проникнуть на территорию Украины через Балканы или открытый американцами коридор из Румынии в Молдавию.

Президент покачал головой:

– Вы всё продумали.

– Не всё, – честно признался Артур. – Но это наш един-

ственный шанс повернуть историю в нужном направлении. Придёт ли к власти американский UnUn или наш, российский, или Купол, что ещё хуже, Россию накроет чёрная дыра сатанинского управления. Вы – единственный президент из ныне существующих на Земле – знаете об этом и можете предотвратить катастрофу.

– А что, если объявить об угрозе во всеуслышание? Нас поддержит «Народный Фронт», коммунисты, ЛДПР, весь народ...

– Не поверят. UnUn существует тысячи лет, информация о его деятельности в форме легенд о масонских ложах то и дело просачивается в СМИ и гуляет по Интернету, и что? Что изменилось? Дьявол специально распускает о себе полуправдивые слухи, создав колоссальный слой мифов и легенд, в которые никто не верит. Но он есть!

На лбу президента выступила испарина. Он выпил ещё полстакана воды. Ему действительно было нехорошо, но думал он не о себе.

– Я большой негодяй, – пробормотал он.

Артур непонимающе посмотрел на него.

– И, может быть, дьявол, а не Бог послал меня на эту дорогу, – продолжил Игорь Владиславович твёрже, – но я пойду по ней до конца.

– Я вас не совсем...

– Читайте О'Генри, Артур Владиленович, – усмехнулся президент. – В его новеллах много поучительного. Эта фраза

оттуда. Я дам распоряжение подчинить спецгруппы «Блиц» и «Штык» «чистильщикам». Но вы будете докладывать мне о происходящем в «Стопкриме» ежедневно.

Артур почтительно склонил голову.

Глава 5

Дива

Он уходил во тьму, высокий, статный, ощутимо сильный, седой, с широко развёрнутыми плечами, и белый плащ развевался за его спиной, как крылья невиданной птицы, оставляя за собой тающий шлейф искр. Вокруг реяли алые молнии, тьма клубилась всё яростней, но он не останавливался, налитый *силой*, которую нельзя было остановить!

Бездна разверзлась перед ним, в ней сверкнули чьи-то узкие красные глаза, грохот прилетел из немыслимых глубин...

Матвей проснулся с неистово колотящимся сердцем, дыша, как после стремительного смертельно опасного бега. Приподнялся на локтях, ловя ртом ночной воздух, лёг, глядя в потолок ничего не видящими глазами.

Этот сон посещал его уже второй раз, но Матвей так и не смог понять, кто уходил во тьму, исполненный величия и силы.

Сначала показалось, что это Тарас Горшин, бывший декан Внутреннего Круга, помощник инфарха в сфере безопасности; только у него были коротко стриженные седые волосы. Потом пришла мысль, что это сам инфарх – Матвей Соболев, уходящий сражаться с Монархом Тьмы, и чем больше деталей фигуры разворачивала память, тем реальней ка-

залось это предположение.

Где ты, тёзка, чьим именем назвал сына Василий Никифорович Балуюев? Почему и куда ушёл? Почему даже твоя дочь не знает, где ты обитаешь?

Матвей встал, всунул ноги в тапочки, прогулялся на кухню, по пути глянув на часы: половина четвёртого, глубокая ночь, – напился брусничного морса и лёг снова.

Мысли свернули к Диве. Она по-прежнему не отзывалась на звонки, как и сам Горшин, и никто из комиссаров «чистилища» не знал, куда улетела или уехала женщина, без которой Матвей уже не видел смысла в жизни. Может, обратилась за помощью к отцу? Больно уж грозные дела разворачивались в «запрещённой реальности», требующие вмешательства светлых сил во главе с инфархом. Или она отдыхает вместе с Тарасом в уютном местечке после напряжения на Кипре?

Мысль была неприятной, уколол душу колючкой ревности, но Матвей отбросил её и безжалостно развеял усилием воли. Если бы между Дивой и Тарасом что-то было, она сказала бы об этом. И всё же где ты, дочь инфарха, способная отнять разум у кого угодно, даже у генерального прокурора Меринова?

Матвей улыбнулся. По словам Стаса, Меринов настолько глубоко «запал» на неё, что не мог реально оценивать своё положение и даже попытался силой завлечь Диву на свою подмосковную виллу. Не получилось. Но ведь он мог и по-

вторить атаку?

Матвей сжал кулаки, выдохнул сквозь стиснутые зубы: только попробуй, огрызок тараканьего дьявола!

Расслабился, унимая воображение. Подумал о Стасе: «А ты куда подевался, братец? Обещал не служить анарху и главе Купола, а сам что задумал?»

Мысли свернули ещё раз.

Поездка в Курск не стала напрасной тратой времени. Она научила его пристальнее всматриваться в лица окружающих, оценивать их мысли и желания и точно формировать свою позицию по отношению к тем, кто ни в грош не ставил чужое мнение, а то и жизнь простых людей.

Незаметно для себя он уснул, а проснулся от мурлыканья айкома, лежащего на тумбочке рядом с кроватью. Удивился, отметив время – в шесть часов утра ему звонили редко, – бросил сонным голосом:

– Ответь.

– Доброе утро, капитан, – раздался грудной женский голос, от которого Матвей подскочил, как ужаленный, потому что голос принадлежал Диве.

– Доброе!

– Извини, что звоню рано, мы можем встретиться?

– Ты где?! – чуть не закричал он, спохватился, понизил голос: – Конечно, в любое время. Где? У меня? Ты в Москве?

– Уже в Москве.

– Где была?

– Потом расскажу. Есть такое место недалеко от площади Трёх Вокзалов, Леснорядская аномальная зона, не был там?

– Нет.

– Ближайшее метро – «Сокольники» или «Красносельская», но на машине туда не попадёшь. Лучше всего доехать до второй Леснорядской улицы, пересекающей Русаковку, и подняться к зоне по откосу железнодорожной насыпи. Там со всех сторон заборы, пробраться можно только по рельсам.

– Попробую разобраться.

– Я буду в здании бывшей пельменной на краю пустыря. Рельсы там раздваиваются, справа стоят корпуса Сокольнического мелькомбината, слева элеваторы, Николаевский отстойник для пассажирских составов.

– Разберусь, – повторил Матвей.

– Жду к восьми часам. – Связь оборвалась.

Матвей встал, умылся, подсел к компьютеру, чтобы по карте посмотреть местоположение указанной зоны. Это был настоящий пустырь, где не один раз начиналось строительство каких-либо сооружений, но заканчивалось ничем. Как утверждала «Википедия», аномальным пустырь назвали потому, во-первых, что по его территории сами собой перемещались многотонные бетонные блоки, во-вторых, здесь не селились даже самые опустившиеся вокзальные бомжи. Что там делала Дива, да ещё в такую рань, пред-

ставить было трудно.

Натянув джинсы, кроссовки и куртку с капюшоном, Матвей сел в «Чери» и выехал со двора, автоматически выбрав путь движения от Измайлово до Сокольников.

Было ещё темно, когда он оставил по совету Дивы машину в тупике второй Леснорядской улицы, напротив продуктового магазина, и отправился вдоль бетонного забора справа, накрытого цилиндром колючей проволоки, искать проход к пустырю.

Шёл вдоль забора недолго, обнаружил пролом в стене, проник на территорию зоны и поднялся наверх по откосу железнодорожных путей. Под ногами захрустели пластмассовые шприцы, пакеты, осколки битых бутылок. Запахло карболкой, нашатырём и сырым гудроном.

Территория зоны, несколько гектаров захламлённой до предела земли, практически не освещалась фонарями, и пробираться по ней в темноте – солнце словно и не собиралось вылезать из-под туч на край небосвода – было трудно.

Матвей остановился, попытался сосредоточиться. Нашёл глазами цилиндры элеваторов, повернул правее, перелез через четыре ветки рельсов, обошёл состав, снова остановился. Мелькнула мысль выйти в ментал, как он делал это в подземельях Крыма и Кипра. Хотелось найти Диву, не прибегая к помощи мобильного и не пользуясь её дополнительными указаниями.

Успокоив дыхание, он расслабился до тихого звона

в ушах, представил себе, что смотрит на пустырь сверху, чуть ли не из космоса.

Слева прогромыхал состав, справа далеко заговорил голос дежурного по грузовой станции, но он этого не слышал.

Сфера внечувственного восприятия обняла его со всех сторон.

Он стал видеть не только заборы, вагоны и массивы зданий, но и то, что находилось внутри и за плотными бетонными плитами. Здания стали полупрозрачными, наполнились дымными слабосветящимися струями и огоньками; огоньки являлись мыслепакетами находящихся в зданиях людей, и один из них, похожий на красивую, равномерно взмахивающую крылышками бабочку, привлёк внимание. Мало того что он был красив, он ещё и подмигивал призывно, и пах знакомо, так что сердце отреагировало первым – судорожным толчком в грудь. Не оставалось сомнений, что светилась аура Дивы.

Не выключаясь из состояния экстрасенсорного восприятия, Матвей двинулся в нужном направлении, обошёл экскаватор, застрявший во рву, стоянку самосвалов, и вышел к одноэтажному шатру бывшей пельменной. В окнах неказистого строения (шалман, он и в Африке шалман) не горел свет, но стоило Матвею подойти к двери вплотную, как та со скрипом отворилась, и на пороге появилось привидение: Дива была одета в белый брючный костюм, какой Матвей ещё не видел.

Он остановился, оглушённый вылившейся на него волной тепла, радостного ожидания и нетерпения. Хотел сказать что-то бодрое, весёлое, пошутить про партизан, но Дива вдруг, ни слова не говоря, обняла его, и губы капитана обжёг горячий поцелуй.

Дыхание оборвалось, ноги ослабли, однако внутреннее «я», заметив беспомощность хозяина, взял командование на себя, и Матвей ответил на поцелуй с такой страстью, что Дива, оттолкнув его, засмеялась.

– Ты горяч, Архитектор.

– К-какой архитектор? – не понял он. – Я капитан экополиции...

– Тарас сказал, что ты Архитектор Согласия. А я ему верю.

– Прости...

– За поцелуи не извиняются. Мне не всегда нравятся сдержанные мужчины. – Она взяла его за руку, повела за собой.

Прошли коридор, пустое помещение с грудой коробок, вошли в крохотную комнату без окон, щёлкнул выключатель, под потолком вспыхнул тусклый плафон.

Матвей осмотрелся.

В комнате умещались диван, столик, два стула и холодильник. На одной стене висела реклама пиццы, на соседней – плакат «Кто не курит и не пьёт, тот круглый идиот».

Дива села на диван, шлёпнула ладонью по сиденью.

– Падай.

Матвей сел на стул напротив, всё ещё ощущая на губах мятный вкус поцелуя.

– Что это за притон? И почему ты решила встретиться здесь?

– Выбирай слова, – фыркнула женщина. – На сегодняшний день этот бывший пельменный шалман является самым безопасным местом в Москве.

– Ты в бегах? За тобой гонятся?

– Богатая фантазия. Ещё вариант?

Мысли в голову приходили, но фривольные, тем более что после поцелуя думать не хотелось ни о чём, кроме другого поцелуя.

– Ты хотела проверить...

– Так, теплее. Что именно я хотела проверить?

– Найду я тебя или нет.

Глаза Дивы потемнели, она перестала снисходительно улыбаться.

– Ты... научился... читать мысли?

– Ну-у, не у всех, – попытался он отшутиться. – Иногда угадываю.

– Наша встреча здесь – действительно тест, ты прошёл его. Неужели почувал?

– Ни о каких тестах я не думал. Хотел самостоятельно определить, где ты меня ждёшь, вот и... доплёлся. Ты одна?

– Подожди, давай расставим все точки над «і». Ты в самом деле почувствовал, где я?

– Не сразу, если честно... но увидел... твою ауру.

– Боже мой! Стас всё-таки настроил твою экстрасенсорикку, а мы не поверили.

– Стас ничего не настраивал.

– Он признался, что засунул тебя в саркофаг Гастроподов.

– Никто меня не засовывал, я сам туда полез.

– Не суть важно, речь не об этом. Мы с тобой находимся над одним из московских МИРов, предположительно – замка Мирмеков.

– Серьёзно? – удивился он. – Этих... муравьёв?

– Муравьёв разумных, причём вида Мургесиа – Муравьёв-бульдогов. Это были самые крупные муравьи в те времена, они и в наше время огромны, достигают трёх сантиметров в длину.

– Откуда сведения? Я имею в виду – о МИРе?

– От Борана-воина, нашего друга Хранителя из Новгорода. Сможешь определить точное местонахождение МИРа и подходы к нему? Боран утверждает, что здесь хранится Гхош.

Матвей наморщил лоб, вспоминая рассказы отца.

– Гхош – это...

– Переводчик Необъяснимого. С его помощью можно разговаривать с любым живым существом, с птицами, змеями, насекомыми и даже с деревьями.

– Вспомнил, отец когда-то держал в руках Гхош.

– Я об этом не знала. Попробуешь найти вход в МИР?

На него внезапно напали сомнения.

– Постараюсь, но гарантировать не могу. Если не получится – не взыщите.

– Я могла в тебе ошибиться... один раз... но ты должен справиться!

– Это, – он указал на свои губы, – плата?

– Дурак! – вскочила Дива. – Я... просто...

Матвей сполз со стула на колени, поднял голову, умоляюще прижал руки к груди.

– Прости! Ляпнул не подумав.

Она оценивающе посмотрела на него большими, еще больше потемневшими глазами, внезапно улыбнулась.

– Какой же ты всё-таки мальчишка! – Протянула руки, помогла встать; несколько секунд они стояли вплотную друг к другу, ощущая одинаковое притягивающее тепло, он начал поднимать руки, чтобы обнять любимую, и Дива прошептала жаркими губами: – Не сегодня...

Он глубоко вздохнул, отодвинулся, приобретая привычный официально-внимательный вид. Она не сказала «нет», а её «не сегодня» звучало как «да», но ему и в самом деле некуда было торопиться.

– Я сделаю всё, что нужно.

– Садись, – заторопилась женщина. – Пить хочешь? В холодильнике есть минералка.

– Давай.

Минералка оказалась с газом, но разгорячённое сердце

успокоила.

Матвей уселся на диван, перестав обращать внимание на спутницу, разглядывающую его с повышенным интересом. Отстроился от долетающих снаружи звуков, закрыл глаза, сосредоточился на объединении энергоцентров или чакр, как их называли адепты восточных практик.

Озарение спустилось из глубин космоса бесшумным и невидимым, но ощущаемым световым облаком, расширяя границы тела и объём восприятия. Стены строения стали прозрачными, раздвигая горизонты внечувственного полевого *видения*.

Стали видны другие строения вокруг бывшей пельменной, рельсы, баки, стены, овраги и насыпи, массив мелькомбината, башни элеваторов, цепочки вагонов. Затем сфера восприятия пространства окунулась в землю, и примерно на глубине двухсот метров под железнодорожными путями обозначилась бесформенная пустота, в центре которой тлело кучей головешек некое сооружение, по форме напоминающее ажурный конус.

– Вижу... – прошептал он.

– Что? – вскинулась Дива.

– Конус... метров сто в высоту и больше ста в диаметре... рёбра, балки, ходы...

– Муравьиный замок! Ты нашёл его! К нему можно спуститься?

Матвей начал «разворачивать» фокус «биолокатора», об-

наруживая отдельно стоящие чёрные глыбы, не то скалы, не то машины, спустился на дно каверны, где прятался модуль иной реальности, созданный древними инсектами. Пси-зрение качественно отличалось от физического зрения человека, получающего отражённый от предмета свет, поэтому иногда казалось, что воспринимающий контуры объектов мысленный «глаз» физически проникает внутрь каждого, отчего Матвей, боясь «пораниться», шарахался прочь. Однако он уже имел опыт вневещного восприятия, опускаясь под землю в Крыму и на Кипре, и быстро приспособился к своему положению «призрака», проходящего сквозь стены.

В замок Мирмеков он заглянул лишь один раз, бегло осмотрев центральный зал и трон царя или, может быть, царицы древних разумных муравьёв; трон светился ярче, что указывало на его энергетическую независимость и никем не нарушенную целостность.

Поиски подходов к МИРу заняли больше времени.

В конце концов он засёк тонкие жилки коридоров и колодцев, объединённых в сеточку пути к пещере с МИРом, и выбрался из глубин земли почти обессиленный, как шахтёр, проработавший всю смену.

Открыл глаза, провожая мысленно гул крови, втягивающийся в сосуды мозга, слабо улыбнулся, обнаружив перед собой лицо Дивы.

– Пей! – протянула она ему стакан с минералкой.

Зубы застучали о край стакана. Холодная струйка протек-

ла по пищеводу живительным ручейком.

– Вкусно...

Дива намочила платок, протёрла ему лицо, села напротив, изучая лицо капитана.

– Рассказывай.

– Замок стоит аккуратно под элеваторами, и к нему можно спуститься через отстойник и заброшенную шахту. Или это не шахта, а колодец, не разобрать, но глубокий.

– Замок живой?

– Светится.

– А Великую Вещь видел?

Он улыбнулся.

– Я же не глазами смотрел. Трон светится ярче, а где там лежит Вещь, то есть Гхош, понять трудно. Отец говорил, что почти все Великие Вещи хранятся в определённых моментах времени. Если Гхош тоже прячется в прошлом, мы его не найдём.

– Всё равно ты молодец! – Губы женщины прошлись по его щеке. – Теперь мы знаем, что МИР уцелел, а если ещё найдём Гхош, сможем опереться сразу на три Вещи, а это уже сила!

– Но ведь магия не работает...

– Порог магического оперирования высок, но преодолим, поэтому и нельзя позволить анархам Комитета 300 собраться вместе и преодолеть этот порог. Представляешь, что будет, если инициация собранных Рыковым Вещей пройдёт успеш-

но, и бывшим магам и колдунам Комитета удастся преодолеть потенциал включения магии?

– Будем пресмыкаться, – криво улыбнулся Матвей.

– Человечеством начнёт управлять безумная чёрная сила, для которой жизнь человека не значит ничего!

– Она же им управляла.

– Что ты имеешь в виду?

– До того как инфарх запретил магическое оперирование, оно было в ходу? То есть нами уже управляли колдуны и маги Союзов Неизвестных? И ничего, мы выжили.

– Кто знает, какой ценой мы выжили. Равновесие удерживал прежний инфарх, также обладавший магической силой. А папа всё это закрыл.

– Выходит, не совсем закрыл, если Комитет 300 пытается реанимировать прежний расклад?

Дива сморщилась:

– Ты задаёшь вопросы, на которые у меня нет ответов. Тебе бы с Тарасом поговорить.

– Где он?

– В Киеве, конечно, готовится встретить делегатов Всемирного конгресса правозащитников.

– Конгресса... правозащитников?

– Так Комитет зашифровал Сход мирового UnUn.

– Отец говорил, что мы отправимся туда в ближайшее время.

– Я присоединюсь к вам, но уже в Киеве.

– Как ты туда доберёшься? Украина разорвала с нами дипотношения.

– Разумеется, я буду добираться кружным путём. Да и вам тоже придётся придумывать способы доставки и легенды для каждого комиссара.

– Тожиевич придумает.

– Но прежде тебе надо найти Стаса. Нас тревожит его исчезновение и молчание.

– В Генпрокуратуре он не появлялся.

– Во-первых, ты не можешь знать это с уверенностью, во-вторых, это ни о чём не говорит.

– Может, он тоже в Киеве? Наши анархи наверняка собираются участвовать в Сходе, а Меринов спит и видит, как он уничтожает мировой UnUn и становится главным.

– Он действительно мечтает о мировом господстве, и сил у него много, да личность мелковата. Не потянет он главенство Комитета. Конечно, его агентура и диверсанты тоже собираются в Киев.

– Надо опередить его.

– Поэтому срочно поговори с отцом, нужна безошибочная стратегия действий в Киеве. Столица Украины будет буквально нашпигована шпионами всех ведущих стран, СБУ будет хватать всех подозрительных людей, а если учесть, что украинская Служба безопасности находится под управлением ЦРУ, умеющего вычислять вражеских агентов и вообще нелояльных к власти граждан, можно представить, ка-

кая вакханалия беззакония будет твориться в Киеве непосредственно перед Сходом.

– Пробраться бы первыми в МИР с Вещами, которые спрятал там Рыков.

– Он точно под Лаврой, которая будет охраняться, как наш Кремль. Но спускаться к нему всё равно придётся, так что на тебя возлагаются большие надежды в поисках подходов к МИРу. Сегодняшний тест подтвердил подозрения Тараса: ты – куколка Архитектора Согласия, хочешь ты этого или нет, и только от тебя будет зависеть судьба мероприятия. – Дива улыбнулась. – Если не судьба человечества.

– Я не бог, – пробормотал Матвей, снова начиная терзаться сомнениями. – И не инфарх. И даже не супермен.

– Ты Матвей Котов, – фыркнула Дива, – а это уже характеристика, бонус, если хочешь. Твоя сила и возможности никому не известны, но ещё отец обратил внимание на тебя, а он смотрел далеко вперёд.

– Я... сделаю... всё, что смогу.

– Постарайся, капитан, мы будем ждать. – Она стала серьёзной. – Я буду ждать.

– А кто ты в иерархии Круга? – перевёл он разговор. – Тарас на Кипре проговорился, назвав тебя Ангелом Света.

– Это ты спроси у него, что он имел в виду. Никакой я не ангел. Двадцать лет жила как и любая другая женщина, вышла замуж... развелась. Потом меня нашёл резидент инфарха...

– Отца?

– Не знаю, кто сейчас инфарх, честно. – Дива прижала кулачок к груди. – Но мне передали метку...

– Надеюсь, не чёрную? – пошутил он.

– Не чёрную, но она помогла мне вспомнить всё, что говорил отец, когда я была совсем маленькая. Короче, можешь смеяться и шутить, но мне самой смешно, что я посланник светлых сил на Земле.

– В этом нет ничего смешного. Хотя у тебя ведь есть какая-то миссия, задание, план?

– Миссия есть, плана нет, задания тоже. Тарас нашёл меня три года назад, с тех пор я ему помогаю.

– А он кто? Отец говорил, что он был декархом Внутреннего Круга и вообще заведовал службой безопасности инфарха.

– Повторяю, тебе надо задать вопросы ему. Сейчас он не декарх, но, может быть, единственный человек, кто может противостоять натиску сил Тьмы.

– Хорошо, я понял. Что мне нужно делать?

– Пока выполняй задания отца. В Киеве увидимся.

– А эту Вещь... Гхош... будем искать?

– Она была бы весьма кстати, но боюсь нам не удастся спуститься в МИР Мирмеков.

– Удастся! – хвастливо объявил Матвей. Увидел сомнения в глазах собеседницы, быстро поправился: – Я сделаю разведрейд и обзаведусь нужным оборудованием: фонарь, ве-

рёвка, зажимы, кусачки, то-сё.

– Готовься, я позвоню после обеда. А теперь иди и найди Стаса.

– А ты?

– Я останусь.

Матвей хотел спросить: что она здесь делает, кого ждёт ещё? – но вовремя прикусил язык. Дива обиделась бы. Он не имел права ревновать её ни к кому, а к Тарасу в особенности.

Она поняла его колебания.

Новый поцелуй обжёг губы.

– Иди, капитан, у нас ещё всё впереди.

Поднявшись, он безмолвно шагнул за порог.

Глава 6

«Штык» на мосту

Расположились перед мостом через речку Кальмиус.

Схема операции была понятна, поэтому действовали заученно, быстро, но без спешки, уверенно, понимая своё положение и цель скрытого маневра.

Уже было известно, что майора-разведчика Шинкаря повезут на бронированном американском автомобиле с усиленной подвеской «Форд Ренджер» в сопровождении колёсного английского бронемобиля «Саксон АТ-105».

Эти «Саксоны» подарили Киеву «с барского плеча» англичане, и хотя машины были разработаны в шестидесятых годах прошлого века и давно устарели, морально и технически, да и списаны были из армии Великобритании, всё же представляли собой серьёзную помеху для диверсантов «Возмездия». Броня «Саксона» защищала экипаж от пуль калибра 7,62 миллиметра, он имел танковый пулемёт «Кт-7», устанавливаемый в проёме люка, и вмещал до десяти человек десанта.

— Металлолом, — презрительно отозвался о нём снайпер группы Лось — Фёдор Величко. — Лоханулся штаб ВСУ, забирая эти железяки. На месте военных я бы их не взял.

— Потому что штабники ВСУ — полные кретины, — поддержал Лося Костя Якимчук по кличке Чук. — Только о сво-

ей шкуре и заботятся да о том, чтобы набить карман. А долбанутый народ их слушается.

– Народ не трогай, – проворчал Тимофей Беда, чья фамилия стала и оперативным псевдонимом. – Он не виноват, что им управляют уроды. Да, командир?

– Зомбанутый этот ваш народ. Посмотри на пацанов в балаклавах – чистые упыри без мозгов! Они способны нападать только стаями, трусливые безмозглые твари! Это они убили моего брата! Просто за то, что он заговорил по-русски!

– Спокойно, Федя, – хмуро сказал Чук. – У меня тоже правосеки деда с бабкой замучили за то же самое. Надо понимать, что их науськивают америкосы. Но пацаны в балаклавах – не весь народ. Скажи, командир.

– Я сам из этого народа...

– Отставить трёп, – бросил Ухватов ровным голосом. – У нас у всех здесь родственники, и все кого-нибудь потеряли, у меня тоже маму пытали... – Он помолчал, стиснув зубы, борясь с желанием выругаться. – Я прекрасно отношусь к украинскому народу, но в данный момент этот народ оболванен нацистской идеологией превосходства, русофобии и человеконенавистничества. Кричалки типа «кто не скаче, той москаль» – не его изобретение. Зомбировать молодых националдебилов легко, а обыватели, которым всё равно кого убивать, лишь бы их не трогали, и в Африке обыватели, и в России.

– Может, кто не скачет, тот и москаль, – буркнул Чук, –

зато точно кто скачет – тот козёл!

– Всё, прекратили баланду травить, – оборвал его Ухватов. – Работаем.

Рассредоточились вокруг моста согласно схеме операции. За то время, пока они устраивали позиции, по мосту и вообще по дороге на Орловское проехал лишь один автомобиль – пошарпанный милицейский «уазик», и это позволяло не думать о вариантах, усложняющих обстановку при появлении случайных прохожих или автомашин.

Начало светать.

Заговорила рация Ухватава:

– Кум, кортеж выехал. Объект находится в «Форде», с ним ещё трое, все – американцы. В «Саксоне» четверо, все украинские силовики, водитель – тоже укроп.

– Принял, Деверь. Куда доставить объект?

– Ты не понял приказ, Кум?! Ликвидировать!

– Мы своих не сдаём, Деверь! Получится освободить – освободим!

Рация принесла порцию мата. Ухватов помолчал.

– Вернёшься – пойдёшь под трибунал... Если всё пройдёт тихо, довезёте до Кирилловки и сдадите нашему человеку, кличка Шахтёр. Координаты те же.

Ухватов выглянул из укрытия – он прятался за разбитой трансформаторной будкой, – оглядел мост, кустарник по сторонам дороги, рощицу чахлах берёзок, но никого из своих бойцов не увидел. Позиции они выбрали профессионально,

а «оборотни» – костюмы из метаматериала, избирательно отражающего и поглощающего свет, – вообще делали их практически невидимыми. Тем не менее майор сделал перекличку:

– Лось.

– На месте, – отозвался лейтенант.

Одна из звёздочек на забрале шлема, на который проецировались данные с каждого шлема бойца, мигнула.

– Чук.

– На месте.

– Ю.

– Есть.

– Зур?

– Я, – гортанным голосом откликнулся Захид Гаргаев, чеченец, ещё год назад служивший в охране президента Чечни. Как он попал в бригаду «Возмездие», Ухватов не знал, но парень зарекомендовал себя исключительно мощным рукопашником и ни разу группу не подвёл.

– Кир.

– На месте, – ответил штатный подрывник отряда Алексей Кириллович Шарыгин. – Сюрприз готов.

– Беда.

– На месте.

– Ждать команды!

Звёздочки на забрале шлема дружно мигнули.

Через пятнадцать минут издали прилетел усиливающийся

лязг и гул моторов.

– Едут! – доложил Ю.

Местность была открытая, поэтому жёлто-коричневые пятнистые вездеходы были видны издалека. За ними тянулись недлинные хвосты пыли. Первым полз тупорылый «Саксон» с пулемётом на крыше, за ним переваливался с боку на бок «Форд Ренджер» с огромной решёткой бампера и угловатыми бортами.

Бронеавтомобили подошли к мосту, притормозили.

Из «Саксона» вылез ражий мордоворот в казачье-полевой форме Добровольческой Украинской Радикальной Армии, сдвинул фуражку с чёрно-красной кокардой на затылок, огляделся и вразвалочку поднялся на мост.

Ухватов затаил дыхание.

Но разведчик не ждал никаких сюрпризов и ничего подозрительного не заметил. Ему было важно, что мост в исправном состоянии и по нему можно проехать. Попробовав сапожищами прочность настила, он пожурчал с моста в реку и вернулся в английский БТР. «Саксон» взревел, первым выполз на мост, медленно переехал его и остановился. За ним двинулся «Форд».

Однако, если старенький англичанин перебрался на другой берег реки свободно, американцу не было суждено повторить его успех. Точно на середине реки под ним вдруг провалился целый кусок настила – взрыва никто не увидел и не услышал, Кир сделал подрыв с ювелирной точно-

стью, – и «Форд» ухнул мордой в провал, уйдя в него чуть ли не до середины корпуса.

На «Саксоне» откинулся кормовой люк для десантников, оттуда выскочили бойцы первой группы сопровождения, бросились к застрявшему «Форду», дверцы которого справа и слева оказались зажатыми фермами моста.

Ухватов посчитал вылезших из БТР «казаков» ДУРА, кивнул сам себе: выбрались все четверо, в самом броневике остался только водитель.

Подбежавшие к «Форду» боевики батальона «Ганьба» начали размахивать руками, кричать друг на друга и на тех, кто сидел в кабине машины. Попытались вытолкать её из ямы, но только загнали глубже; «Форд» с пассажирами, защитными дугами и усиленной противоминной защитой весил не меньше трёх тонн.

Крик усилился. Боевики заспорили: подогнать ли «Саксон» и попробовать вытащить застрявший вездеход либо бросить его на мосту, пересадив пленного в броневик. Победила вторая точка зрения. С помощью кувалды и ломика выбили заклиненную заднюю дверцу «Форда», помогли сидевшим там американцам и закованному в наручники пленнику вылезти на мост.

Ухватов ещё раз сосчитал всех действующих лиц и бросил в микрофон рации одно слово:

– Упали!

Раздался дружный залп из семи стволов: вооружены бой-

цы группы были американскими винтовками «М-14» последней модификации, с лазерными прицелами и компьютерной подводкой на цель, а у Люся была винтовка «Баррет М107» калибра двенадцать и семь десятых миллиметра, и ни одна пуля не пропала даром. С воплями боевики ДУРА и американские коммандос попадали на настил моста, двое из них сорвались в воду.

Пленник, услышав стрельбу, мгновенно сориентировался, присел под защиту «Форда», завертел головой, пытаясь разобраться в происходящем. Он был опытным военным и ждал лишь удобного момента для бегства.

К мосту с четырёх сторон метнулись тающие, смазанные, разбрасывающие мелкие блики «призраки».

Пленник вскочил, бросился к перилам моста, собираясь прыгнуть в воду.

Один из американцев, раненный, но ещё опасно активный, встал на колени, направляя ему в спину ствол такой же «М-14», какими были вооружены и бойцы Ухватова. Раздался выстрел, и майор увидел, как руку американца буквально снесло вместе с винтовкой. Пуля «Баррета», выпущенная Лосем с расстояния всего в три десятка метров, обладавшая колоссальной убойной силой, оторвала руку противника.

Пленник перемахнул через перила моста, нырнул в воду.

Оставались в живых ещё трое сопровождавших его бойцов, но подбежавшие к ним Чук и Зур без жалости добились всех троих.

Зашевелилась вдруг турель пулемёта на «Саксоне». Водитель, сориентировавшись в обстановке, ухитрился незаметно выбраться на крышу броневика через верхний люк и развернуть пулемёт к мосту.

– Алярм! – рывкнул Ухватов, стреляя по «Саксону».

Бойцы сыпанули с моста вслед за пленником, хорошо зная цену промедления.

Ударившая по мосту и «Форду» очередь заставила подскочить несколько трупов, но никого не зацепила. А затем сквозь грохот пулемёта щёлкнул ещё один выстрел: Лось сменил позицию, встал во весь рост и спустил курок.

Очередь оборвалась.

Пуля снайперской винтовки прошла защитный бортик пулемётного гнезда и поразила стрелка.

Наступила тишина.

Пленник вынырнул в пятнадцати метрах от моста, забарахтался, пытаясь грести ногами к берегу, но ему мешали скованные наручниками за спиной руки, и он то и дело скрывался под водой.

– Беда! – крикнул Ухватов.

Сержант, нырнувший с моста первым, ловко бросил винтовку Зуру, в несколько взмахов догнал пленника, помог ему доплыть до низкого топкого берега.

– Кто вы?! – прохрипел заросший рыжеватой щетиной, растрёпанный, со всклочоченными седоватыми волосами мужчина лет сорока пяти, у которого под глазом и на скуле

лиловели кровоподтёки.

– Свои, – коротко ответил Беда.

– Трупы в воду, – скомандовал Ухватов, отметив, что бой длился ровно четыре минуты. – Садимся в «бэшку».

Приказ исполнили за секунды, заняли места в броневике. Нашли ключ от наручников пленника, сняли с его посиневших запястий.

– Крутим педали назад и сворачиваем на просёлок к Чемалику, оттуда – в Кирилловку.

– Есть, командир, – отозвался Беда, севший за рычаги «Саксона».

– Кто вы? – повторил вопрос успокоившийся пленник, растирая запястья. – Не думал, что доживу до этого момента.

– Кум, – подал руку Ухватов.

– Понятно, работаем втихую. ГРУ или СВР?

– Ни то ни другое.

– Значит, «Возмездие»? – Пленник с любопытством посмотрел на сидевших рядом бойцов группы. – Слышал я о ваших подвигах! Многих сволочей положили. Жаль, большие погоны сбежали за границу. Офигеть можно! Вы-то зачем вмешиваетесь в наши дела?

– Не нравимся? – мрачно осведомился Лось.

– Свои не могут не нравиться. Просто я и в самом деле не ожидал, что меня освободят, да ещё к тому же наёмники. Хотя работаете вы классно!

– Спасибо на добром слове.

– Пробачьте, панове, ежели обидел.

– Мы не кисейные барышни, обойдёмся без благодарностей, – не менее мрачно добавил Чук.

– Отставить балаган! – оборвал бойцов Ухватов. – Не обижайся на них, майор, злые они на сегодняшних укропов, у каждого здесь кто-то погиб. У кого брат, у кого жена, у кого родители. Мы тоже не сильно обрадовались, получив задание спасти чужую жопу. Проще было бы ликвиднуть тебя вместе с сопровождающими на фугасе, видно, не нужен ты кому-то наверху.

– Похоже, что так, – кивнул пленник. – Сдал меня кто-то из наших. Я даже догадываюсь кто.

– Доберёмся до своих – разберись.

– Разберусь. Дайте воды, в горле пересохло, дня три пить и жрать не давали.

– В речке мог бы напиться, – проворчал Лось, но флягу протянул.

Больше не разговаривали.

«Саксон», завывая фрикционными, пёр по дорогам зоны, контролируемой нацбатальонами «Правого сектора», оставляя за собой хвост пыли, миновал какую-то деревушку слева, раздолбанную снарядами и опустевшую ещё в начале первой АТО-кампании, свернул на грунтовую дорогу вдоль берега Кальмиуса и помчался к селу Чемалик, чтобы от него направиться на северо-запад, к селу Кирилловка, где предполагалось сдать освобождённого разведчика ГРУ в руки

местного «партизана».

Встречавшиеся автомашины, в том числе и военные, на «Саксон» внимания не обращали, и Ухватов порадовался этому обстоятельству. О бое на мосту командование батальона «Ганьба» ещё не знало, и у группы была фора во времени, хотя и небольшая. Рация в кабине «Саксона» уже не раз выдавала мат и требования радиста сообщить «со-тому» о прохождении маршрута, поэтому вскоре следовало ожидать объявления тревоги.

В распоряжении ВСУ в Павлополе и под Мариуполем находились беспилотники, и, не получив сведений о передвижении автоколонны с пленным, командование наверняка должно было подключить к поиску радиотехнические средства обнаружения. И хотя «Саксон» мчался по дорогам «свободного Донбасса» с приличной скоростью, времени у его экипажа на скрытное передвижение оставалось всё меньше и меньше.

Внезапно на стекле вспыхнула красная точка. Ухватов высунулся в люк на крыше, выдвинул антенну и включил рацию.

– Кум, не слышу доклада, – просочился в ухо голос Сва-та – полковника Будничного, начальника оперативно-диверсионной части.

– Объект освобождён, – спохватился Ухватов. – Едем к месту передачи. Всё под контролем.

– Отбой передаче, переходите на вариант «Б». Добирай-

тес к Борисполю и ждите указаний.

Ухватов не сразу сообразил, что от него требуется. План «Б» предусматривал вообще-то возвращение домой со всей возможной поспешностью. Однако на руках у группы был освобождённый майор ГРУ, а с ним переходить границу было рискованно.

– Борисполь? Это же под Киевом...

– Ты меня плохо слышишь, Кум? – холодно осведомился Будничный. – Выходи к аэропорту Борисполь и заглохни до моего приказа. Проводку и обеспечение вам готовят. На весь маршрут до Киева даётся двое суток. Как понял?

– С нами же... э-э, объект, куда его доставить?

– Бросьте к чёртовой матери, пусть сам выбирается.

– Но...

– Выполнять приказ, Кум! – Голос полковника пропал.

Ухватов задумчиво послушал шумы эфира, проговорил про себя: «Твою душу мать!», влез обратно в кабину. Шесть пар глаз скрестили на нём шпаги взглядов.

– Что слышно, командир? – не выдержал Лось.

Ухватов повернулся к бывшему пленнику:

– Майор, ситуация изменилась. Вам придётся добираться до Кирилловки самому.

– Понятно, – кивнул разведчик, не сильно огорчаясь. – А вы?

– У нас другое задание.

– А если я пойду с вами? Кое-чему я обучен.

– Нас ждёт не прогулка по пляжу.

– Понимаю, и всё же... честное слово, не помешаю. Знаю пять языков, умею стрелять и драться. – Спасённый улыбнулся. – А главное, не пьянею, сколько бы ни выпил.

Бойцы группы переглянулись с улыбками, хохотнул Чук:

– Наш человек!

– К тому же я хорошо знаю местность, не один год здесь тусуюсь, а под Киевом в Семёновке у меня живёт двоюродная сестра, у неё можно будет остановиться на какое-то время.

– Где это – Семёновка?

– В трёх километрах от Борисполя.

Ухватов умолк на несколько секунд, взвешивая решение. Последний довод майора был весомее остальных.

– Хорошо, присоединяйся, майор. Как там тебя?

– Захар Геннадиевич, оперативный псевдо – Хохол.

– Одно неперемнное условие – беспрекословное подчинение моим приказам.

– Само собой.

– В таком случае начинаем менять диспозицию. Беда, го-ни броник к водохранилищу, утопим и пойдём дальше.

– Пёхом до Киева? – огорчился Чук. – Это ж километров четыреста с гаком!

– Чего-нибудь придумаем.

«Саксон» свернул на дорогу, ведущую к Павлопольскому водохранилищу.

Глава 7

Церковь спасения

Англиканская Церковь Спасения хотя и была создана в тысяча девятьсот девяносто девятом году как филиал Англиканской же епископальной Церкви, рождённой ещё в седьмом веке, не зря стала в нынешние времена оплотом государственной власти Великобритании, имея почти двадцать миллионов прихожан как в самой Англии, так и по всему свету. Располагался центральный епископат Церкви в графстве Нортумберленд, на северо-востоке Англии, в храме Благих Намерений, построенном ещё в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году зодчим Мерсье в готических традициях. Главным настоятелем храма и главой Церкви Спасения был с две тысячи пятнадцатого года преподобный Фенимор Фредерик Холл. Но мало кто в Англии и вообще в мире знал, что сэр Фенимор Холл является главархом Комитета 300 – надгосударственного института управления человечеством, координатором мирового Сообщества Союзов Неизвестных – UnUn и анархом британского Союза Неизвестных по совместительству.

Утром 10 октября епископ объявил о проведении заседания Синода Церкви Спасения, на котором планировалось обсудить состав делегации на «Мировой конгресс правозащитников», который должен был состояться в Киеве, столи-

це новообращённой Украины.

На самом же деле верхушка британского Союза Неизвестных должна была получить последние инструкции перед киевским Сходом от своего главы и уточнить детали поездки.

Совещание, на котором присутствовали двенадцать иерархов Церкви Спасения во главе с Холлом, состоялось в подземном зале на глубине трёхсот ярдов под храмом, где покоился один из модулей иной реальности, созданный инсектами – родом Аноплюридов².

Хранителем МИРа был легат Безмо, правая рука главарха, перешедший на сторону UnUn после смерти предшественника; Хранители жили долго, по сто пятьдесят и более лет, но и они не были бессмертными.

За время расширения Церкви Спасения (главного инструмента влияния UnUn) по всей Англии – приходы росли как грибы после дождя – к МИРу Аноплюридов была проложена шахта и пущен лифт, поэтому долго спускаться к подножию замка царицы древних разумных вшей не пришлось.

Замок представлял собой сложное переплетение светящихся пузырей и труб, по форме напоминавшее коровий сычуг. Трудно было представить, что его создавали предки нынешних вшей, паразитов, обитавших под волосатым покровом человека. Геометрия замка ничем не напоминала форму создателей. Но члены британского UnUn давно привыкли

² Аноплюриды – вши (род разумных инсектов, существовавших сотни миллионов лет назад).

к сооружению и никаких эмоций не испытывали, не задумываясь о его происхождении.

Фенимор Холл, вступая в должность главарха, надеялся найти в замке Великую Вещь – «по слухам, Аноплюриды создали Гниду – аппарат для отсоса пси-энергии», однако просчитался. Хранитель Безмо открыл ему тайну: Великую Гниду, она же – Соска и Биобанк, выкрал из замка российский анарх Рыков, и теперь она находилась вместе с другими Великими Вещами в замке Акарин под Киевом.

Главарх, облачённый в чёрную, расшитую серебром далматику, с митрой на голове и крестом на груди, вошёл в зал царицы Аноплюридов первым, прошёлся вокруг саркофага, взошёл на подобие амвона с колонной пюпитра, на котором лежала Библия Второго Пришествия.

Появились легаты, одетые в серо-белые балахоны со множеством деталей, подчёркивающих ранг и сан каждого, встали перед рядом сложенных из камня кресел.

– Слава Спасению! – произнёс Фенимор Фредерик Холл звучным голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.